

Юрий ПОЛЯКОВ

ПЕРЕЛЕТНАЯ
ЭЛИТА

Коллекция Изборского клуба

Юрий Поляков
Перелетная элита

«Книжный мир»

2017

Поляков Ю. М.

Перелетная элита / Ю. М. Поляков — «Книжный мир»,
2017 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-9909393-1-8

Новая книга Юрия Полякова несет заряд иронической бодрости, который наверняка заденет немало граждан из разряда тех, кого автор назвал перелетной элитой. И речь даже не о властителях либеральных дум, срочно покидающих ставшую вдруг неласковой к ним Русь ради берегов туманного Альбиона или солнечного Брайтон-бич. Сравнение знаменитого писателя гораздо жестче. «Я всегда думал, что, сожрав все в одном месте, перелетает на другое саранча, а не национальная элита, — пишет он. — Перелётная элита — особая примета новой России». Все произведения, вошедшие в издание, нацелены на тех, кто, подобно саранче, поглощает нашу Родину, оставляя за собой выжженную землю и выжженные души. Но как предупреждение, эта книга обращена, прежде всего, к русским людям, противостоящим этому опустошению.

ISBN 978-5-9909393-1-8

© Поляков Ю. М., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

Часть I. Заметки несогласного	6
Ё-мобиль и перелётная элита	6
Вычеркнуть себя?	18
Булгаков против электротeatра	19
Бутов и его полигон	30
Как я был врагом перестройки	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Поляков

Перелетная элита

© Поляков Ю.М., 2017

© Изборский клуб, 2017

© Книжный мир, 2017

Часть I. Заметки несогласного Статьи и эссе

Ё-мобиль и перелётная элита

1. Информационная травматология

К нашей странной жизни привыкаешь как к отделению травматологии, куда угодил, поскользнувшись на мокрой московской панели. Полежишь день-другой на больничной койке и уже не видишь ничего странного в том, что у соседа справа нога на вытяжке торчит, как бушприт, а слева стонет мужик, замурованный в гипс по самые брови. Поясница у него, видите ли, чешется. Потом выпишешься, через пару месяцев зайдешь на контрольный осмотр, вручишь доктору-кудеснику коньяк, заглянешь мимоходом в свою былую палату и обомлеешь: боже ты мой, что за мрачный вернисаж увечий, переломов, смещений и травм, едва совместимых с жизнью!

Примерно то же самое бывает со мной, когда на отдыхе или из-за срочной литературной работы я долго не смотрю телевизор, не залезаю в Интернет, не припадаю ухом к какому-нибудь охальному радиоэху, а потом возвращаюсь в отражённую реальность наших СМИ. «Нет, не может быть! И я здесь живу?! Паноптикум! Вот бывшего главу государственной корпорации «РусГидро» Е. Дода, топ-менеджера, можно сказать, с детства, взяли за то, что выписал себе лишние 73 миллиона рублей премии. Ему по закону полагалось 280 миллионов, а он себе накинул – пожадничал. И весь эфир, все телекомментаторы, начиная с Дмитрия Киселёва, виртуоза гневных эфирных рукоплесканий, вскипели: «Кошмар! 73 миллиона, это же миллион евро!» Минуточку, коллеги, сначала объясните мне: откуда у главы, по сути, госструктуры такая премия – 280 миллионов, помимо зарплаты? Он, что своим телом брешь в плотине закрыл и спас спящий город от потопа? Но даже за такой подвиг не многовато ли? Вон, вдове погибшего лётчика-героя на все про все, включая компенсацию невосполнимой утраты, в сто раз меньше дали. А ведь у нас не один такой Дод! И если сравнить доходы разных «додов» и «додиков» со средней зарплатой по стране, то, как поётся в романсе, «оружия ищет рука». Если б защитники Москвы зимой 1941-го узнали про то, что у наркома, скажем, тяжёлой промышленности зарплата в тысячу раз больше, чем у рабочего или инженера, история могла пойти другим путем. Патриотизм патриотизмом, а классовой обиды ещё никто не отменял. Изумляет отвага нашего президента, который принял вызов оборзевшего Запада, имея в тылу такую засаду, такую социальную западню!

При развитом советском саботаже была иллюзия: чем нам больше платят, тем лучше мы работаем, но теперь она развеялась, как дым над крематорием. Конечно, до какого-то момента экономические стимулы работают, но едва превышена некая внятная норма, человек впадает в гедонистический ступор. Топ-менеджеры, у которых в бумажнике кредиток больше, чем орденских планок на кителе генералиссимуса, к порученному делу, как правило, относятся без особого фанатизма. Видимо, большие деньги отвлекают от работы. Иной скудный бюджетник куда бойчей, старательней и опытней. Взять хотя бы нашу сборную. Сапёры по заминированному полю передвигаются живее, чем асы кожаного мяча по газону с подогревом. А рискующим жизнью сапёрам таких миллионов не платят. Зато продувшим футболистам не слабо погулять так, чтобы всеми своими рулетками содрогнулось Монте-

Карло: шампанского выхлебали на такую сумму, что детдомовцев страны год молоком поить можно. Увы, друзья, видимо, мы живём с вами в стране высокооплачиваемых пофигистов.

Но мало того, что слой опузырившихся соотечественников имеет совершенно немоти- вированно высокие доходы, эти господа ещё очень сердятся, если кто-то начинает задавать вопросы про «бонусы» или «золотые парашюты». Мол, не ваше дело. А чьё? Или банков- ский топ-клерк сделан из другого генетического материала, нежели сельский врач? Помню, в каком-то телевизионном словопрении я обмолвился, что у нас в Отечестве, как в поговорке, «у одних щи пустые, а у других жемчуг мелок». Экклезиаст нашей либеральной экономики Е. Ясин аж затрясся: «Это неприлично, считать чужой жемчуг!» «А кормить пустыми щами – прилично?» – возразил я.

2. Заофшоренность

Впрочем, с ними, большевиками-рыночниками, об этом спорить бессмысленно, ибо процесс «десовестизации», запущенный в конце 1980-х, сделал своё дело: «стыд в узде» давно никого не держит. Помните, четверть века назад нам говорили: «Долой советскую уравниловку! Давайте богатеть вместе!» «Давайте! Ура!» – обрадовались мы. Но вместе как- то не получилось, богатеют немногие вместо всех остальных. Конечно, я не ребёнок и пони- маю: в мире всегда будут богатые и бедные, даже в осаждённом Ленинграде кто-то запивал стерлядь хересом. Помните жутковатую прозаическую зарисовку Ольги Берггольц о пыш- нотелой дамочке в блокадной бане? Но тут всё дело в мере и здравом смысле. Приведу при- мер. Может, допустим, один человек для своего удобства выкупить целое купе – съездить в Сочи? Конечно, ради бога! А вагон? Пожалуй. А целый поезд? Ну, если ему очень так хочется... А всю Северо-Кавказскую железную дорогу? Молчите? То-то и оно!

Недавно руководитель опять же государственной монополии вдруг отказался дать отчёт о своих доходах: не хочу, мол, огласки, а то лишние разговоры пойдут! Хотел бы я посмотреть на советского министра, пожелавшего скрыть, с какой суммы он должен запла- тить партвзносы. Посадить бы не посадили, но руководил бы он после этого только своей женой, если она беспартийная. Или вот случай: сынок тоже крупного государственного чиновника вдруг попросил гражданство в стране, объявившей нам санкции, да ещё вло- жил в экономику своего будущего отечества миллиард – не рублей, конечно. Догадывае- тесь, сколько на эти деньги добрых дел в России можно было бы совершить? Но в России жить неуютно, нет перед домами лужаек, которые подстригают триста лет. Так откуда же им взяться, лужайкам, если боярские да купеческие дети тратятся на английские газоны и швыряют миллионы, чтобы попасть на приём во дворец к бабушке Елизавете! Любая страна прочна своими традициями, но не в том случае, когда это традиция уводить деньги из страны, а потом и самим сматываться следом. Да, советская элита была зашоренной, а нынешняя – заофшоренная. Что хуже?

Если бы солитёр обладал сознанием, он вряд ли сочувствовал бы тому организму, из которого высасывает соки. Российский капитал зачастую просто паразитирует на нашем Отечестве. Иной раз, чтобы докопаться, кому принадлежит тот или иной аэропорт, прихо- дится проводить такие расследования, что сам Шерлок Холмс не выдержал бы и разбил свою скрипку о голову Ватсона. Я вот иногда иду мимо Царь-пушки и думаю: вдруг её уже купил какой-нибудь собственник, зарегистрированный на Сейшелах? Мы этого ещё просто не знаем. Узнаем, когда он пальнёт из неё в честь дня рождения своей любимой собачки.

Вообще, заграница – какая-то чёрная дыра новой России. Если одновременно на всех яхтах, купленных нашими согражданами, настоящими, бывшими и ненастоящими, под- нять государственные флаги РФ, то возникнет ощущение, будто наши неисчислимые прогу- лочно-морские захватили самые дорогие набережные мира. Я, конечно, против железного

занавеса, достаточно и калитки, но если из твоего дома выносят что-то купленное на залоговом аукционе, можно, наверное, спросить: «А вы, собственно, куда это потащили?» Но нельзя: чужой жемчуг считать неприлично, даже если его выловили из твоих пустых щей. Увы, наша открытость привела к тому, что едва соберутся кого-нибудь по статье привлечь, а он, глядь, уж давно за рубежами, обзавёлся замком, виноградниками, спортивным клубом и остров себе в Эгейском море присматривает, никак не сторгует. Яхты я уже упоминал.

Наверное, следователи просто не знают, что подозреваемые имеют обычай скрываться от правосудия. Пресс-секретарь одного серьёзного органа всякий раз, сообщая по телевизору о бегстве за кордон очередного жулика, ну так всегда печалится, словно от него самого молодая жена удрала. Конечно, беглеца объявляют в международный розыск, но это мне напоминает советский анекдот про неуловимого Джо, которого никто не ловит – на хрен нужен! Если бы Борис Абрамович Березовский аккуратнее повязывал свой шарфик, он бы до сих пор в международном розыске кайфовал. Ведь с Лондону, как и с Дону при царях-батюшках, выдачи нет.

Недавно выяснилось: глава государственного унитарного предприятия «Антидопинговый центр» Г. Родченков, не рядовой, кстати, клерк, уничтожив допинг-пробы, смылся в Америку, где его, вероятно, ждали и было где вещички бросить. А мы руками разводим: ушёл, гад, ищи ветра в Манхеттене. Но я что-то не пойму: у нас ФСБ теперь расшифровывается как Федеральная служба безмятежности? Ведь кто-то же брал его на работу, кто-то отвечал за его деятельность, он кому-то подчинялся. Кому? Его курировали. Покажите – кто! Тоже удрал? Тогда покажите покровителей и этого удравшего. Нет, не показывают. Боятся, наверное, президента расстроить! Не бойтесь: у него и так лицо грустное... К тому же, в свете этого скандала иначе воспринимается и парад «гелендвагенов», который в Москве дали выпускники академии ФСБ, молодые бойцы невидимого фронта, выложив потом свои счастливые селфики в Мировой сети – ЦРУ на заметку. Ладно бы они так отметили поимку сотого шпиона, а то ведь в дипломах чернила ещё не просохли. Друзья моей молодости, лейтенанты 1970-х, свой выпуск в шашлычной «Утёс» отмечали, а домой на последнем троллейбусе добирались. Бред какой-то! И две изумленные тени – Дзержинского и Андропова – теперь, всхлипывая, бродят по ночным коридорам Лубянского дома.

Иной раз припомнишь и обомлеешь, сколько бывших министров, губернаторов, мэров, депутатов, чиновников, бизнесменов, потюпавшись у кормила государственной галеры, подалось за рубеж и там осело! Здесь, значит, клевали, зобы набивали, а там гнезда свили, птицы божьи. Вот узнал, что у главного редактора популярной газеты семья давно на исторической родине обитает. Я, конечно, не еврей и многого не понимаю, но скажу так: если бы у меня вся родня была там, я бы больше интересовался программой партии «Ликуд», чем платформой «Единой России». Впрочем, там, очевидно, русскоязычному журналисту трудно найти себе работу, вот и приходится ищачить вахтовым методом, как на нефтяной вышке в тундре.

Давно заметил одну особенность европейских столиц: чем дороже универмаг, тем больше там продавцов, говорящих по-русски. А я-то всегда думал, что, сожрав все в одном месте, перелетает на другое саранча, а не национальная элита. Года три назад, случайно попав в пятницу на вечерний лондонский рейс, я просто обалдел: узнаваемых государственных мужей и медийных физиономий в самолёт набилось не меньше, чем светочей русской мысли на «философский пароход». Только вот светочей насильно высылали с родины, а эти сами каждый уикенд отлетают – общечеловеческим воздухом подышать. Перелётная элита – особая примета новой России. Теперь с этим, конечно, сложнее, не оттого ли у многих олигархов и министров в глазах тоска людей, три года в отпуск не ходивших.

3. Цинизм как семейная ценность

Далеко не случайно в последнее время все чаще «золотая молодёжь», дети-внуки олигархов, топ-менеджеров, чиновников, отчубучивают нечто возмутительное: то пешехода снесут, то дебош учинят, то компатриота в милицейской форме отлупят, то за границей напакосят... Однако каким бы громким и мерзким ни был скандал с отпрыском, состоятельные родители проявляют выдержку, граничащую с презрением, нанимают адвокатов и молчат, отвергая журналистов как вид. Во всяком случае, я ни разу не слышал от «предков» извинений за своих буйных чад, мол, простите, люди русские и нерусские, стыдно мне за моего обалдуя, накажу: будет сидеть на хлебе и воде, учиться в Петрозаводске, отдыхать в Крыму, деньги вкладывать в народные промыслы, а ездить на самокате. Нет, молчат, как партизаны в гестапо. Почему?

Ну, во-первых, потому что общественное мнение у нас ещё так мало влияет на карьеру, статус и бизнес, что им можно пренебречь. Иначе министра спорта Мутко самого уже давно бы забили в какие-нибудь ворота. А во-вторых, и это главное: им в самом деле совсем не стыдно. Перед кем извиняться, перед нищелюбами? В глубине души они считают: ну, поозорничал мальчик или девочка, так он (она) право имеет, это сын мой (дочь), наследник(ца) миллионов(ардов). Ненужное зачеркнуть. Такая вот мораль. Цинизм как семейная ценность. Или вы хотите, чтобы юные лоботрясы, наследники странно нажитых капиталов, переводили старушек через дорогу, а не устраивали на «зебре» жуткие ралли? Это ж так прикольно! Накажут? Кто? Они с младых когтей знают, что суд – это место, где ты можешь приобрести себе столько закона, на сколько у тебя хватит денег. Папа не раз и не два откупался. Почему они должны иначе относиться к народу, терпящему такую социальную несправедливость, ведь бедный значит глупый. Им же не объяснили, что стать богаче – не значит стать лучше, хотя ехидный вопрос эпохи гибнущего социализма: «Если такой умный, почему такой бедный», давно пора на современный лад переформатировать бы: «Если ты такой честный, почему такой богатый?»

Но больше всего лично меня задевает откровенный антипатриотизм российского капитала. Все остальное – производное. Мой знакомый виноторговец запил с горя, когда воротили Крым: у него просел бизнес. Уж как он ругался! Другой весьма состоятельный российский бизнесмен, получая в Кремле награду, в ответном слове первым делом заговорил о любви к своим среднеазиатским пенатам. Оно понятно, арык детства не забываем, но ведь вам, уважаемый, не знак «Золотого хлопкороба» наш президент вручает, а российский орден. Вроде бы ничего страшного, можно обожать свою историческую родину и все силы при том отдавать России, но почему-то сразу вспоминается миллиардный супер-отель, воздвигнутый в солнечной Турции на деньги, выкачанные из московского «Черкизона». Но хватит, довольно об этом, иначе кровь рязанских пахарей вскипит в моих жилах!

Если человек – патриот, пусть и очень состоятельный, он никогда не будет зарабатывать здесь, а вкладывать там, речь, конечно, не о квартирке в Болгарии. Он не позволит своему отпрыску выдрючиваться перед согражданами. У родного очага не гадают. А если позволяет, значит, жить в «этой стране» не собирается. В семье человек, как рыбка в аквариуме, на виду. Когда для него главное – деньги, то всех людей, включая жён и подруг, он рассматривает с точки зрения вложения средств и извлечения прибыли. Для такого семья, хоть обвесь особняк иконами с Петром и Февронией в полный рост, не малая церковь, а надомный релакс-клуб. Иногда с элементами дорогого борделя. Не справился семейный персонал с постельно-детородными и представительскими функциями – можно уволить без выходного пособия, наняв кого-то помоложе и потрепетнее. Благо выросло целое поколение юных особ, наце-

ленных на рынок дорогих матримониальных услуг. Брачный сервис для состоятельных господ. А уж разводятся рублёвские пары, как собаки кость делят. Никого не стесняются.

Но могло ли быть по-другому? Едва ли... Трудно себе представить, чтобы барин винулся перед крепостными за то, что зашиб, проносясь на рысках, зазевавшегося мужика. К нам, увы, снова вернулась та самая классовая спесь, с которой боролась вся отечественная литература, передовые моралисты, диссиденты, возмущавшиеся, что номенклатура катается на черных «Волгах» с колбасой в багажниках и без очереди получает квартиры. Но первое, что потребовали борцы «за нашу и вашу свободу», когда вернулись, так это квартиры и побольше. Солженицына даже в Серебряном бору поселили, где как раз и расположены дачи тех самых вождей, которым они писали гневно-наставительные письма. Кстати, советская власть по мере сил боролась с зажавшимися соратниками. Карьера функционера, замеченного в откровенно барском отношении к простым людям, могла быстро закончиться.

4. «Капчванство»

Бытовало даже слово-приговор «комчванство». За коммунистическое чванство могли намять холку, снять с поста, исключить из партии. Но я почти не помню, чтобы у нас кого-то пожурили за «капиталистическое чванство». Разве Хакамаду, которой до сих пор не забыли, как она в голодные 1990-е советовала шахтёрам собирать грибы и ягоды. При прочих недостатках советские руководители были довольно скромны в быту. Сопоставляя их блага и привилегии с доходами и «бонусами» нынешних чиновников, включая гомерические «премии», так и хочется спросить, когда вернут из ремонта крейсер «Аврора». Если вам однажды доведётся увидеть уцелевшие цеховские дачи, вы очень удивитесь, насколько там все просто и неприязнательно. У бизнесмена с тремя палатками у Курского вокзала фазенда покруче будет. Дача Сталина, первого лица в государстве, не идёт ни в какое сравнение с поместьем какого-нибудь нефтяника или газовика в смокинге. Конечно, стандарты роскоши с тех пор изменились, но не настолько же! Да что там говорить, я ещё помню, как директор завода (отец моего друга) и его подчинённый слесарь-ударник жили на одной лестничной площадке дома, этим самым предприятием построенного. Причём у работяги квартира была больше, так как он и в смысле производства детей оказался ударником. Но где же прошлогодний снег?

И ещё одно наблюдение в тему. Иногда по каналу «Россия-24» я смотрю интервью с нашими олигархами, людьми тёртыми, сильными, умными, по-своему обаятельными, однако исполненными самоуважения, переходящего в самообожание. Известен случай, когда секретарь райкома, чей портрет поместили на первой полосе «Правды», сошёл с ума от гордости. А эти вот держатся, хотя все время в топах «Форбса». Скажу честно, в слова олигархов я не вслушиваюсь: о своём бизнесе они сообщают примерно столько же, сколько умная невеста жениху о своём добрачном сексуальном опыте. Интересней смотреть на журналиста, уж как он трепещет, извивается, угождает вопросами, будто в случае промашки его расстреляют вместе с семьёй. Я, знаете ли, застал советскую журналистику и скажу прямо: корреспондента, с таким подбострастием говорившего даже с самым высоким партийным чином, коллеги просто бы подняли на смех, да и сам чин позвонил бы главному редактору: «Ты мне, слушай, больше этого лизуна не присылай!»

5. Классовая любовь

Как справедливо утверждал Остап Бендер, нарочно нервирова вора Корейко, все крупнейшие состояния созданы преступным путём. И был отчасти прав. Ильф с Петровым, описывая грандиозные аферы скромного служащего «Геркулеса», представить себе не могли, что фактически предсказывают пути становления нового российского капитализма.

И заметьте, тот миллион, что великий комбинатор буквально выгрыз у «подзащитного», в свою очередь укравшего кучу денег у молодой Советской республики, достался, в конце концов, румынским пограничникам. Тоже символично...

В 1990-е богател тот, кто преступал через мораль, совесть, долг, нарушал закон. Помните: рэккет, махинации с ваучерами и гуманитарной помощью, жульнические залоговые аукционы, распил бюджета, фальшивые авизо, вороватые фонды, пирамиды, рейдерские захваты, откаты, гешефты, торговля государственными интересами, постами и мандатами... Это было, отчасти и осталось. Ельцин и его команда целенаправленно создавали такие условия, чтобы невозможно было разбогатеть, не нарушив уголовный кодекс. Власть повязала бизнес беззаконием, а бизнес получил взамен узаконенную несправедливость. Неправедные деньги поддерживали неправую власть. Олигархи дружно сбрасывались на выборную кампанию агонизировавшего Ельцина. Да что я вам, в самом деле, рассказываю, вы же все эти годы не на орбитальной станции провели!

В итоге, общесоюзные промышленные гиганты попали в руки к типам, удивительно похожим на отрицательных персонажей советского сериала «Следствие ведут знатоки». Реформы, которые проводили люди, корившие коммунистов за коллективизацию и раскулачивание, сами резко пошли по пути «рассереднячивания» народа. Средний советский класс в мановение ока превратился в люмпенов. Помните, как кандидаты наук челночили, мыли полы, торговали хламом на улице Горького? Слишком много было кандидатов наук? Да ладно! Не больше, чем сегодня офисного планктона, который если и приносит пользу, то разве близлежащим «макдональдсам» Под голосистые проклятия в адрес суровой сталинской индустриализации нам в 1990-е подсунили самый жестокий, жульнический и архаичный путь к рынку. Эту модель с помощью СМИ и экспертов Высшей школы экономики буквально навязали обществу, до того 70 лет жившему в условиях относительной, но все же социальной справедливости. Кстати, ни один из пропагандистов «умного рынка» не извинился за дезориентацию целой страны, они бодро продолжают наставлять и попрекать Кремль из телестудий, а иногда из Вильнюса.

Да, советский достаток был равномерно скуден, но нам хотя бы объясняли, почему живём мы невзрачно: деньги идут на космос, на гиганты пятилеток, на армию, на счастливое детство, на науку, на поддержку прогрессивного человечества. В 1990-е, когда не было ни космоса, ни армии, нистроек, ни науки, ни счастливое детство, ни прогрессивного человечества, куда пошли деньги от той же нефти или газа? На ударное создание класса богатых? На построение коммунизма по обочинам Рублёвки? На то, чтобы кто-то попал в списки «Форбса»? А зачем мне и ста сорока миллионам россиян этот самый богатый класс? Скрипеть зубами, когда один нувориш авианосную яхту на воду спускает, разбивая о ее борт бутылку шампанского, которая по цене не уступает автомобилю. Возмущаться, когда второй скупает спортивные клубы за рубежом, так как в детстве его из-за тонкой шеи не взяли в дворовую сборную по хоккею? Злиться, когда третий берет под Парижем поместье, не хуже Версаля? Беситься, когда четвертый, банкир, вкладывает три миллиарда в американское здравоохранение? Будь моя воля, я бы его на две недельки положил в нашу районную больничку. Если выживет, уж, наверное, в другой раз не в заокеанскую, а в российскую медицину вложится. А даст дубу – так «Форбс» отпоет. Что сделала бы в подобном случае настоящая пресса? Она бы в один голос призвала сограждан срочно в массовом порядке забирать вклады из оскандалившегося банка, чтобы другие понимали: так плевать в страну, из которой ты выкачал состояние, нельзя, деньги, заработанные в России, в Россию и вкладывать следует. Но наша пресса мужала, вынося ночные горшки «семибанкирщины». Чего ж вы хотите от такой журналистики? Прошу эти мои слова считать выступлением на скором внеочередном съезде Союза журналистов РФ.

Какая нам с вами радость от класса богатых? Сажают их редко, чаще под домашний арест и то ненадолго. Не успеешь порадоваться, уже выпустили или амнистировали, как Сердюкова. Участники «панельных дискуссий на форумах», видимо, думают, что мы все забыли, простили и считаем их богатство естественным, заслуженным, исконным, даже священным. Мол, еще наши пращуры князьям Прохоровым верно служили, и мы поусердствуем. «Как не так! – сказал Архип, с злобной улыбкой взирая на пожар...» Никто не забыт, и ничто не забыто. А если ставить памятник Гайдари, как иногда предлагают, то в виде резиновой куклы, которой может дать между мелких глаз любой пострадавший прохожий.

6. Антисоветское порно

Сколько снято примирительных киношек, призванных убедить нас, что богатые плачут не только, когда платят налоги или откупаются от закона. Сюжеты этих трогательных лент примерно одинаковые. Например: очень богатый, очень честный и очень одинокий красавец-мужчина с очень русским лицом (Хабенский, Бондарчук или Куценко) в поисках любви и доброй мачехи для своей трудной дочери-подростка колесит на «бентли» по русской глубинке, пьёт с простыми мужиками водку, умиляется скромности селян, крепости народных характеров и находит-таки счастье в скромном лице сельской библиотечарши или учительницы, невинной, как лабораторная мышь, однако с формами Анастасии Волочковой. Их счастьем пытается помешать мафия, продажные менты или бывшая хищница-жена, похожая на говорящую пудреницу, но нанятый киллер промахивается, а коррумпированного полковника осаждает честный генерал в исполнении Аристарха Ливанова или Бориса Токарева. И влюблённые падают в ночные зелена... Не путать с «зеленью»!

Однако мало внушить пиплу, что богатство облагораживает. Чтобы классовую ненависть претворить в классовую любовь, как воду в вино, надо ещё убедить людей, будто попытка построить справедливое общество однажды уже привела к чудовищному, кровавому совку, который пора бы забыть, да пережитый ужас стучит в грудь, в основном престарелых советских мажоров. Сколько снято сериалов и картин про кошмары старой власти: про то, как внук члена Политбюро изнасиловал балерину Большого театра, бедняжка пошла в милицию, а её упрятали в дурдом. Или про то, как неосторожно пошутивших студентов взяли и без затей по статье расстреляли. Причём снял эту чушь режиссёр, прекрасно знавший, что студента ВГИКа Николая Рыбникова (впоследствии народного артиста СССР) за такой же розыгрыш просто отругали по комсомольской линии. Зачем маститый кинематографист врал? А вы про партийность и классовость искусства совсем забыли? Напрасно... Мы имеем дело с хорошо оплачиваемым социальным заказом. Задача – убедить всех, особенно молодёжь, в том, что тогда было совсем плохо, а теперь не совсем. Убеждать в том, что теперь совсем хорошо, даже за большие деньги никто не берётся, а при социализме брались. Парадокс!

Кстати, обратите внимание: в последние лет двадцать пять престижные литературные премии чаще всего присуждаются писателям, которые без устали кошмарят читателей жуткими безобразиями социализма, обычно вымышленными. Вот и Евгений Евтушенко заклеил палача Сталина за то, что при нем в Кремле для детей не устраивали новогодние елки. И хотя с 1935 года елки устраивались через дорогу – в Колонном зале, в памяти народной тиран останется врагом детей, так и не уступившим цветам жизни Грановитую палату. Однако что там Евтушенко, уже подросла хваткая творческая молодёжь, при старом режиме не жившая, но успешно освоившая уникальный жанр жёсткого антисоветского фэнтези, чуть не написал «порно». Ладно бы просто дёргали мёртвого советского льва за усы, так нет: эти авторы напоминают своего рода диггеров, плодотворно поселившихся в прямой кишке покойного царя зверей. Любопытно, что денежные фонды этих премий, поощряющих антисоветизм,

пополняются не без помощи власти, умеющей попросить бизнес о небольшой культурной услуге.

Когда же, наконец, кремлёвские звезды договорятся с кремлёвскими орлами? Ведь премиальный антисоветизм имеет отнюдь не эстетическую природу. Вы не задумывались, почему до середины 1930-х годов прошлого века искусство молодой республики советов просто кипело от ненависти к старому режиму, к имперскому прошлому, а потом вдруг как-то смягчилось: перестали сбрасывать с парохода современности классиков, увидели в минувших столетиях много положительного. Если не вдаваться в мелочи, все достаточно просто. Поначалу люди, взявшие в Октябре власть, видели будущую Россию отнюдь не суверенным государством, а частью грядущей Земшарной республики. На полном серьезе. А что? Мы же просились в НАТО. СССР был задуман как открытая конфедерация, куда войдут по мере победы социалистических революций Англия, Франция, Италия, Испания, далее по глобусу. Особые надежды возлагались на передовую Германию, призванную помочь отсталому русскому пролетариату провести модернизацию. Даже планировали заменить кириллицу на латиницу – для взаимопонимания.

В этом контексте все, связанное с имперским прошлым, надо было срочно демонизировать, окарикатурить, чтобы никто, особенно молодежь, не скучал по Рюриковичам и Романовым. Однако Мировая революция не задалась, случился «коммунэкзит». СССР остался один на один со своими экономическими, а главное, геополитическими проблемами, которые нельзя «взять и отменить», как нельзя срыть на щебенку Эльбрус. В этом историческом одиночестве стране снова понадобился опыт прежнего суверенного существования, опыт империи, а без восстановления связи времен, хотя бы частичной реабилитации прошлого – воспользоваться этим опытом невозможно. Если Суворов – изверг, подавивший освободительное восстание Пугачева, то кто же пойдет в суворовские училища? А вот именем Тухачевского называть военные школы как-то неловко: прошляпил, бонопартишка, Варшаву! Вот и подобрело советское искусство к проклятому прошлому, георгиевская лента осенила орден «Славы», в Красной армии появились «генералы» и «солдаты», хотя еще пару лет назад так называли только белогвардейцев. Впрочем, один редактор во время войны, прочитав фатьяновские строчки: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат», посоветовал автору заменить «солдат» на «ребят» во избежание ненужных классовых ассоциаций. Но инерция – не тенденция.

В точно такой же ситуации мы оказались и после крушения Советской власти. Вспомните одержимое стремление младореформаторов без заминок влиться в цивилизованный мир, вспомните «сорок тысяч» американских консультантов Чубайса, которых Путин почему-то назвал «цэрэушниками», вспомните уверенность в том, что передовая Америка научит нас жить и работать, что МВФ превратит деревянные рубли в настоящую валюту, что одностороннее разоружение – залог вечного мира... Сколько при этом денег и ресурсов утекло за рубеж, помалкивают, зато чуть что кричат про экспонаты Эрмитажа, сплавленные ради покупки оборудования для гигантов пятилеток. Мне тоже жаль проданные шедевры, но от этого была хоть какая-то польза. А вот какая польза от негоций Коха и комиссии «Гор – Черномырдин»? Главное – кому польза?

Чем же все кончилось? Тем, что НАТО обложило нашу страну по всем правилам медвежьей охоты. Нас подвергли унизительным санкциям, сделали олимпийскими «лишенцами». За что? За то, что мы вернули в родную гавань Крым, не только восстановив геополитическую справедливость, но и спасая население полуострова, ведь от майдана до Майданека всего шаг. В итоге мы снова остались один на один со своей геополитической судьбой, но не с двумя, как при Александре Миротворце, а с четырьмя союзниками: к армии и флоту прибавились авиация с ракетными войсками. Про пятого союзника, ядерное оружие, промолчу. Это наш вечный засадный полк.

На том сходство двух исторических ситуаций заканчивается. По логике вещей сегодня нужно пересматривать негативное отношение к советскому периоду, восстанавливать связь времен. Вроде бы первые лица государства давно отказались от антисоветской риторики, постепенно возвращая то разумное, что было в Советской цивилизации. Конечно, «Наши» – это еще не комсомол, но хотя бы наверху поняли, что молодежь не придорожная трава. Однако влиятельная часть медийной и творческой интеллигенции упорно воспроизводит в информационном и культурном пространстве диссидентский антисоветизм, который уже четверть века назад отдавал импортным нафталином. Судите сами: то гранитным истуканом Сталина, как таранам, бьют в кремлевскую стену, то хотят вынести из мавзолея Ленина, то рыдают над жертвами ГУЛАГА, в несколько раз сладострастно преувеличивая реальное число репрессированных. Как-то своему телевизионному оппоненту, согласившись с его скорбью, я предложил публиковать рядом со списками жертв, чем усердно занимается «Мемориал», имена следователей, судей и доносчиков, обрекших невинных на заточение или гибель. Почему бы нет? Дела большинства пострадавших сохранились, снимай с архивных полок и восстанавливай историческую справедливость. И что же вы думаете? Слезы у плакальщика сразу высохли, и он посмотрел на меня такими взглядом, что я как-то сразу увидел его в роли дознавателя НКВД, выбивающего из меня признание в порочных связях с контрразведкой Мадагаскара.

К чему я это пишу? А к тому, что неуморимый антисоветизм в искусстве и СМИ «задержался» не сам собой, не по инерции. Он тихо поощряется и подпитывается. Зачем? Затем, что сложение имперского и советского исторического опыта резко усиливает Россию, а это многим не нравится. Советофобия поддерживается теми силами в политической, чиновной элите, в бизнес-сообществе, которые путем уступок и унижительных компромиссов жаждут вернуть нас в позу младшего краснокожего брата при Большом бледнолицем американском вожде. Почему? А потому что их личные интересы лежат вне России, и какая дрянь будет набита в трубку мира, которую нас заставят выкурить «партнеры», не важно: зеленые лужайки перед будущими заграничными имениями им дороже полей и весей нашего Отечества. Иначе за каким лешим российскому банкиру вкладывать три миллиарда в здравоохранение США? Не будь этой влиятельной силы (хотел сказать «пятой колонны», но воздержусь), вряд ли наши некоторые певцы, актеры, писатели, секретари Союза журналистов РФ, говорили бы, что Крым надо вернуть законным владельцам и покаяться на Болотной площади. По их мнению, тот же Калининград так и остался по сути Кёнигсбергом, не прирос к пышному телу России-матушки. Но попробуйте у них же спросить, надо ли возвращать Голанские высоты или Техас, и вы наткнетесь на взгляд все того же дознавателя НКВД.

Однако вернемся к классовой любви. Ее всеми силами пытаются привить той части населения, которая в социализме оставила больше, чем приобрела при капитализме, ведь дефицит денег – не лучше дефицита советской торговой сети. Ели у Евгения Дода (а ведь он такой не один) только премия под триста миллионов рублей, значит, кому-то на нормальную зарплату денежных знаков вообще не хватит. Да, рынка без классовой розни не бывает. Но чаще почему-то говорят о нелюбви бедных к богатым, забывая, что чувство это взаимное. А вот кто кого не любит больше – это ещё вопрос.

В каком-то телеспоре, кажется, на «Суде истории», речь зашла о событиях октября 1993-го, и режиссёр Павел Лунгин, выходец из семьи знатных советских киношников, обладатель французского, кажется, паспорта, автор полнометражного рекламного ролика «Олигарх», вспомнил, какие ужас и отвращение он испытал, встретив тогда на улицах Москвы орды красно-коричневых. Так пресса именovala людей, выступавших против разрушения экономики и погрома страны под видом реформ и нового политического курса. С тем, что возмущение было справедливым, а действия властей, включая расстрел парламента, даже за давностью лет не имеют оправдания, теперь никто не спорит: ну, погорячились от чистого

сердца, зато власть и страну сохранили. Нет бы им «погорячиться» в августе 1991-го, но тогда их интересовала лишь власть, а не целостность страны. Судя по словам режиссера, осадок, а именно – отвращение к справедливо возмущившемуся народу – у него остался. Лунгину даже в голову не пришло, что он тоже мог вызывать отвращение у «красно-коричневых», если не своим видом, то уж точно – фильмами. Увы, классового диалога у нас не получается. Основное население продолжает говорить по-русски, а нувориши и их креативные клиенты давно перешли на трансатлантическое эсперанто.

Итак, подытожу: если булыжник оружие пролетариата, то антисоветизм – оружие компрадорской буржуазии. Сказано, соглашусь, немного в лоб, как-то по-агитпроповски. Но ничего не поделаешь: на голой правде рюшек нет.

7. Блудные дети

Называется это антагонизм. И как бы нувориши не убеждали себя и других, мол, просто бог первичного накопления поцеловал их в темечко, никто не верит. Все отлично понимают: нельзя за символическую сумму, занятую у казны же, или за наволочку грязных ваучеров купить комплекс, который страна строила две пятилетки, а потом его обанкротить, выгнав рабочих и открыв рынок западным фирмам. Мы что, не помним стрельбу 90-х и кладбищенские кварталы, где лежат не успевшие или не захотевшие выхватить свой колыт?! Ладно, если бы почти задарма получив себе общую собственность, они её приумножали, наращивали, поднимали страну, можно было бы и придавить жабу справедливости. Так ведь нет, наоборот, транжируют, рушат, свинячат, сплавляют за границу, изображая там северных махараджей, а потом чуть что, как дети к няньке, бегут за помощью к власти: «Спасите – кризис! Мой банк вот-вот лопнет!» А вы думали, капитализм – это рождественская подушка, под которой всегда подарки? У Диккенса банкроты вешались, а наши бегут в Кремль, и президент принимает их, как рембрандтовский отец блудных детей. Взрослыми они становятся, только когда возят гуртами в Куршавель девок и за наши деньги дворцы в Ницце скупают.

Да ещё при этом считают нас быдлом, Почему? Мне понятно: тех, кто смиряется с несправедливостью, всегда сначала презирают, а потом очень удивляются, если те вдруг забудят. Так было в первую русскую революцию, когда только в Московской губернии сожгли чуть не половину помещичьих усадеб. Выводов тогда не сделали. Понятное дело: инородцы смутили мирных селян. В Первой конной, наверное, тоже одни инородцы воевали. Бабель, например... Увы, классовое чванство до добра не доводит. Наша история учит этому, учит, даже не указкой – оглоблей, а все не впрок.

Недавний скандал на Дальнем Востоке с невыплатами работникам рыбного комбината показал: «капчванство», рвачество, цинизм хозяев жизни неистребимы. Они могут жертвовать на храмы, синагоги, мечети, соблюдать посты, даже, если очень провинились, стадион городу подарить, но при этом морить и гнобить тех, кто на них вкалывает. Как бы много у них всего ни было, им всегда кажется, что у них мало, а как бы мало у нас ни было, им всегда кажется, что у нас много. Увы, классовый эгоизм сидит в человеке на биологическом уровне. В ту дальневосточную историю вмешался Путин. А если бы не вмешался? Законы тяготения нельзя заменить натянутой верёвкой, даже очень прочной. Вот такой ё-мобиль...

8. Откуда дровишки

Почему-то считается, что происхождение капитала не имеет никакого значения. Имеет! У меня в одной пьесе есть фраза, которую неизменно зрители награждают аплодисментами: «Украсть не стыдно, а спросить, откуда столько денег, неприлично! Почему?» Я бы к каждому дорогому лимузину на лобовое стекло прилепил плакат: «А ты объяснил обществу

происхождение своих богатств?» Объяснит, компенсирует, покается, докажет, что, пользуясь нашей с вами частью народной собственности, он принёс обществу пользу, пусть едет дальше. Наивно? Даже смешно? Возможно. «Не укради!» – тоже вроде сказано без затей, однако иногда работает. Западные миллиардеры давно стараются не раздражать рядовых налогоплательщиков наручными часами, стоящими дороже кремлёвских курантов, Классовый мир хрупок.

В нашей народной традиции большие деньги всегда воспринимались как тяжкая ноша, крест и ответственность. Не случайно была так развита благотворительность. Накопленное долгими и тяжкими трудами дарили родному городу, отдавали монастырям, богадельням... Кому жертвуют нынешние нувориши? Я не знаю. Впрочем, про одну щедрость помню: купленные яйца Фаберже были показаны соотечественникам. Не подарены, как это сделал Третьяков, а лишь предъявлены. Помню, у «младореформаторов» часто проскакивала мысль: мол, неважно, как заработаны начальные деньги, пусть даже криминально (а иначе их и добыть-то нельзя), зато во втором или третьем поколении миру явятся цивилизованные предприниматели. Со временем стало очевидно: как заработаны деньги – это не пустяк, не «виньетка ложной сути», это очень важно! Прогнозы, мол, через поколение внуки диких капиталистов станут новыми Морозовыми и Мамонтовыми, не оправдываются. Увы! В семье трамвайного щипача фасон одежды оценивают только с точки зрения доступности карманов.

Но главная беда в том, что несправедливость, злоупотребления и аморализм 1990-х, включая прямое предательство государственных интересов, – все это так и осталось не осуждённым, хотя бы морально. Меня часто спрашивают: «Тебе-то легче будет, если ославят (даже не осудят) всю эту ваучерную гоп-стоп-компанию?» «Да, легче, и не только мне!» Прошлое зло, так и не названное своим именем, нам мешает жить сегодня. Простите за мрачное сравнение, но это, как упырь, не пригвождённый по легкомыслию осиновым колом: продолжает бродить вокруг нас, кусая здоровых, нормальных, бесконечно воспроизводя себе подобных. Когда новобранцам бизнеса и госслужбы говорят ныне, что теперь мы живём и работаем по-честному, без офшоров, откатов, взяток, они ухмыляются: «Эге, сами-то хапнули так, что зашёчные мешки до земли висят, отделались отеческим «ай-ай-ай, понастроили вилл, а нас, значит, за лохов держите!» От такой ухмылки совсем недалеко до момента, когда молодого перспективного губернатора со светящимися пальчиками ведут на нары.

То же самое в нашей политической жизни. События 1993-го и 1996 годов в общественном сознании остались молчаливым признанием того, что победителей не судят, даже если они ради укрепления демократии разбомбили собственный парламент, переизбрали в президента, взвинтив никакой рейтинг, вечного отпускника с ядерным чемоданчиком. Помните про «крепкое рукопожатие» Ельцина? Так вот, оно до сих пор нам «каменной десницей» сдавливает глотку. Едва приятель-либерал начинает мне жаловаться на авторитаризм власти, я его спрашиваю: «Ты же радовался, когда расстреливали Белый дом? Терпи. Согрешить легко – лечиться потом долго...» Кто в итоге выиграл? Только те, кто боялся ответственности за содеянное и сворованное. Казалось бы, теперь, через двадцать лет, когда иных уж нет, а те долечиваются, ошибку можно, нужно признать и осудить совершённое, чтобы в нашей политической жизни такого больше не было. А вот и нет, нас исподволь с помощью лукавых СМИ убеждают: ничего не поделаешь, так история распорядилась. История распорядилась сжечь миллионы евреев в печах. И что теперь – забыть да простить? Но мне снова показывают в «ящике» Чубайса, со слов которого можно подумать, что в коробке из-под ксерокса он нёс России светлое будущее. Лучше бы не донес! Тактическое враньё в политике возможно и даже порой неизбежно, но стратегическое враньё – это путь в пропасть.

Тогда, в 1990-е под палёную водку и разговоры о свободе в нашу жизнь почти мгновенно вернулись хорошо известные по классике нравы капитализма. А вы думали, миро-

вая литература из вредности бичевала буржуазную мораль? Нет, она-то знала, о чём говорит. Однако теперь никуда не денешься, мы живём в мире взбесившихся денежных знаков. Можно, конечно, ещё раз попытаться построить социализм, рыночный, да еще с человеческим лицом, однако, судя по благодушной физиономии бессменного Геннадия Зюганова, дело это в ближайшие годы бесперспективное. Остаётся лишь облагораживать козью морду капитализма с его рогами и копытами. Диких сограждан, даже очень богатых, надо одомашнивать, «патриотизировать», чтобы не смели паразитировать, воспитывать, даже дрессировать с помощью общественного мнения и закона, который у нас в отношении небедных граждан пока мягок, как фаллос ветерана труда.

Есть, впрочем, и третий путь – революция. Сначала справедливость на руинах, затем долгое восстановление поголовья середняков, мещанские канарейки, занавески, герани... И, наконец, внуки победивших революционеров становятся буржуа.

«Как не так! – сказал Архип, с злобной улыбкой взирая на пожар...»

«Свободная пресса», 2016

Вычеркнуть себя?

Киев заявил, что продолжит кампанию по переименованию улиц и площадей Украины. На этот раз предлагается поменять все названия, в которых так или иначе употребляется Москва.

Прием не новый. **Таким путём в своё время пошли прибалтийские республики, считающие, замечу, себя европейскими странами.** Обретшая независимость Литва постаралась зачистить присутствие у себя и польского, и еврейского наследия (хотя Вильнюс в своё время считался Северным Иерусалимом). Латыши старательно затирают следы многовекового немецкого присутствия. Эстония пытается «забыть» шведское владычество. Но, конечно, старательнее всего эти три лимитрофа истребляют память о том, что их государственность сформировалась в лоне российской цивилизации. А премьер-министр Польши в своем выступлении в ООН, проклиная времена коммунистической оккупации, забыл как-то упомянуть о том, что Польша вместе с Германией готовилась напасть на Советский Союз, а потом, после Победы, став союзником СССР, по настоянию Сталина страна значительно увеличила свою территорию за счет немецких земель. В том же духе сегодня поступает ИГИЛ, уничтожая Пальмиру и прочие ценности древнейшей, но не мусульманской культуры.

Земли, с которых Киев пытается нынче вымарать упоминание о России, о Москве, и раньше, и сейчас были по преимуществу русскими по языку и культуре. Убирать в том же Харькове русские названия – такая же нелепость, как убирать их, к примеру, в Можайске или Брянске. Не случайно первая столица Украинской ССР была именно в Харькове, где преобладали русские рабочие, а столица собственно «гетманщины», напомним, – в Глухове. Там бы и сидеть нынешней киевской власти, поражающей всех своей глухотой к здравому смыслу. Неужели им не понятно, что вымарывая – не вымарывая русские топонимы с карты, превратить Малороссию и Новороссию в Галичину не удастся. Да, западная часть страны формировалась в составе Польши, Германии, Австро-Венгрии, и для нее Россия в самом деле – чуждый мир. Но заставить остальную часть Украины забыть, что она – часть русского языкового, культурного и историко-политического мира – нонсенс!

Как правило, к подобному приёму «перекодирования общественного сознания» прибегают начинающие этнократические государства, когда хотят стереть из своей истории следы более мощной и высокой цивилизации, которой они и обязаны своим появлением на свет. Ну, как Эстонии сегодня сознаться, что Петр Великий не только отвоевал, но и купил эту территорию у шведов за два с половиной миллиона золотых «ефимков», а Николай Первый открыл в Ревеле первую школу, где учили на эстонском языке. Конечно, обидно, когда твоя государственность не плод многовековых усилий народа, а каприз большой политической игры взрослых стран. Но вместо того, что бы взрослеть эти новые государства ведут себя как капризные «инфантилы»: не нравится рисунок истории – зачеркну, сотру ластиком или порву в клочки. Смешно! А теперь о грустном: государственность, не выстраданная, а выигранная в геополитическую лотерею, так же легко и теряется. Судьба Украины тому пример. Пока она потеряла часть территории и суверенитета, но процесс пошел. Да и прибалтийским «этнодемократам» русский вопрос решать рано или поздно придется.

АИФ, 2015

Булгаков против электротeatра

К 125-летию писателя и 50-летию публикации «Мастера и Маргариты»

1. Булгаковский бум

После выхода «Мастера и Маргариты» в журнале «Москва» на просторах СССР – от Бреста до Сахалина – грянул булгаковский бум. Все читали, обсуждали, разгадывали диковинную новинку, которая в монотонном потоке советской литературы выглядела, как тропическая рыба в переделкинском пруду. Я был в ту пору любознательным старшеклассником, но роман долго не давался мне в руки. Дефицит! Первой прочитала, конечно, Москва – творческая, номенклатурная, торговая. А я, отстояв многочасовую очередь, сначала увидел иллюстрации к «Мастеру» на посмертной выставке гениальной девочки Нади Рушевой, и лишь потом моя незабвенная учительница литературы Ирина Анатольевна Осокина буквально на день-два выпросила у кого-то для меня потрёпанные номера журнала «Москва». Это было непросто: даже педагоги-словесники записывались, чтобы прочесть знаменитый роман.

Тогда, в отрочестве, самое сильное впечатление на меня произвели сатирические эпизоды и мистическая линия Воланда с компанией. Через много лет именно страницы, посвящённые нравам Массолита, вдохновляли меня при написании романа-эпиграммы «Козлёнок в молоке». Я и эпиграф-то взял из булгаковского письма к Сталину. Но о нём ниже. Кстати, именно тогда читатели начали смотреть на суетных и корыстных писателей глазами оскорбленного насмешника Булгакова. 1990-е годы только подтвердили его правоту. Помню, в конце 1980-х я зашел в кабинет к очень крупному начальнику и отрекомендовался: «Поляков, секретарь союза писателей...» «А-а, из Массолита... Ну, садитесь...».

Тем временем вся страна влюбилась в Кота Бегемота. И перебежавших дорогу черных кошек рассматривали (я в том числе) прежде всего с точки зрения сходства с персонажем знаменитого романа. Зато любовная линия меня почти не задела: я не понимал, как это замужняя женщина может пойти с первым встречным, пусть даже и мастером, только потому, что этому незнакомцу не понравились её «отвратительные, тревожные жёлтые цветы». Да и Мастер, который не помнил имени своей предыдущей жены, вызывал недоумение. Я в ту пору еще не понимал законов высокой условности. Впрочем, дьякон Кураев утверждает, что бывшую супругу, служившую вместе с Мастером в музее, арестовали, и забывчивость героя имеет репрессивное происхождение. Возможно, хотя и маловероятно.

Зато мне было жаль мужа Маргариты, молодого, трудолюбивого и порядочного человека, талантливого изобретателя. Скучного? Так не надо было выходить замуж за скучного. Кто неволил-то? Социализм освободила женщину от продажности буржуазного брака. Впрочем, то обстоятельство, что Маргарита по окончании романа о Пилате, заскучала и снова стала уходить на «прогулки», наводит на некоторые размышления. При этом мне очень нравилась Гелла. Я с острым юным эротизмом видел перед собой завязки её ажурного фарфучка, потерявшиеся в ложбинке меж ягодицами. А философско-религиозных глав я просто не понял по возрасту и недостатку образования. Ходили смутные разговоры, мол, самые острые места, язвящие «совдепию», в журнальной версии подчистили, однако когда со временем я прочитал полную версию, то понял: советская редакция вела себя вполне деликатно. Потом, став редактором «Московского литератора», я убедился: цензоры (уполномоченные

Главлита) были людьми весьма начитанными, широко мыслящими, но дисциплинированными.

Вскоре знакомая девочка из торгово-распределительной семьи пригласила меня на «Таганку», где шла инсценировка «Мастера и Маргариты» в постановке Любимова. Попасть на спектакль было так же невозможно, как сегодня – на концерт Челентано, доставленного спецбортом для разового выступления в рублёвском имении какого-нибудь бугра из «Роснано». Вешалки, с которых начинается театр, поразили меня тесным обилием дефицитных дублёнок и шуб. Гардеробщица с недоумением приняла мое потрёпанное пальтецо на рыбьем меху. Девочка, обутая в долгополую и к тому же вышитую дубленку, застенялась. Хорошо помню актрису Шацкую, она летала над сценой на канате, изумляя строгую публику чуть приобнажённой грудью. Воланд в исполнении Смехова был похож скорее на басовитого директора комиссионки, уставшего от нудных покупателей. Он и распродажу французского тряпья устраивал в этом духе, мол, подавитесь. Когда же в зал швырнули оторванную тряпичную голову болтливого конференсье, зрители ахнули, а моя спутница испуганно прильнула ко мне. Впрочем, ничего у нас не вышло. Видимо, я не прошёл, как теперь выражаются, «дресс-контроль».

В моей личной библиотеке роман «Мастер и Маргарита» появился в 1979 году. Это был изумрудный том «Избранного», выпущенный «Худлитом» и продававшийся в «Берёзке» за валюту и чеки Внешторга. Забавный факт, если вспомнить, с каким сарказмом Булгаковым написана знаменитая сцена в Торгсине. Я заплатил приятелю-спекулянту за книгу 60 рублей. Чтобы масштаб цен стал понятен, скажу: в ту пору моя зарплата корреспондента «Московского литератора» составляла 120 рублей. Возьмите нынешний средний месячный доход россиянина, разделите пополам, и вы поймёте, на какие жертвы шёл советский библиофил, чтобы иметь на полке заветный том.

2. Странное возвращение

Пожалуй, появление «Мастера и Маргариты» было одним из самых серьёзных ударов по официальной версии советской литературы с её иерархией, уходившей корнями в идейно-художественную борьбу 1920–1930 и 1950–1960-х годов. А литературная борьба, нравится это кому-то или нет, в свою очередь отражала политическую судьбу страны, тяжкую и суровую, как и всякая послереволюционная история. И если до революции писатели хотели быть политиками, то после революции они вынужденно стали политиками, чтобы выжить или пожить. В мои школьные годы в учебниках Демьян Бедный ещё слыл классиком, а Николая Заболоцкого, например, как бы не существовало. Когда в фильме «Доживём до понедельника» учитель-интеллектуал (его играл Вячеслав Тихонов, загримированный как-то не по-русски) запел, аккомпанируя себе на рояле, стихи Заболоцкого про иволгу, знающие люди восприняли это как тонкий вызов официальной литературной иерархии. Тогда же вошло в моду в спорах о фронтовой поэзии, упоминая Самойлова, опускать Твардовского. О Свиридове начали поговаривать: «Хоровик. Что с него возьмешь?» Следующим этапом стало оспаривание авторства Шолохова, чтобы, так сказать, «ударить по штабам».

В тогдашнем классическом советском наследии имелось немало имён, чьё творчество было явлено массовому читателю лишь частично: Бунин без «Окаянных дней», Всеволод Иванов без романов «Кремль» и «У», Пастернак без «Доктора Живаго», Пильняк без «Повести непогашенной луны», Платонов без «Котлована» и «Чевенгура» (часть романа под названием «Происхождение мастера» была напечатана при Брежневле), Ахматова без «Реквиема», Гроссман без второй части эпопеи «За правое дело!», Булгаков без «Мастера и Маргариты», «Театрального романа», «Собачьего сердца»... Все эти вещи даже не упомянуты в первом томе «Краткой литературной энциклопедии» 1962 года. К слову, словарная статья

о великом писателе, крошечная, без фотографии, не превышает размером стоящий рядом текст о мемуаристе-толстовце Валентине Булгакове. Для сравнения: в том же томе статья о супостате Михаила Афанасьевича – драматурге Биль-Белоцерковском втрое больше да еще снабжена портретом мэтра и снимком из спектакля «Шторм». Каково? Однако надо признать: в профессиональном сообществе при определении значения автора «по гамбургскому счёту» (выражение Виктора Шкловского, гнобившего мастера вместе со всеми) эти «потажённые» тексты негласно учитывались, хотя в литературоведческих трудах почти не фигурировали, за исключением, пожалуй, мемуаров.

В 1972 году я поступил на факультет русского языка и литературы Московского областного пединститута имени Крупской и хорошо помню: в курсе советской литературы Булгакову отводилось буквально несколько слов, в основном речь шла о пьесе «Дни Турбиных». А ведь и «Мастер и Маргарита», и «Белая гвардия», и «Записки юного врача», и «Театральный роман» были к тому времени опубликованы и возлюблены читателями. Советская филология не спешила раздвигать ряды классиков, чтобы втиснуть туда же и Булгакова. В ней ещё большое влияние имели распорядители прошлой эпохи, застрельщики жёстких чисток и проработок, впрочем, остепенившиеся, ставшие академиками и мэтрами, как Шкловский или Кирпотин...

К тому же, бурная читательская любовь, не санкционированная званиями, премиями и наградами, всегда вызывала у литературных комиссаров в пыльных шлемах подозрение. А Михаила Афанасьевича читатель полюбил сразу и навсегда. Наш заведующий кафедрой советской литературы тучный Фёдор Харитонович Власов, добрый дедушка и исследователь творчества Леонида Леонова, на вопрос пытливого студентки о значении Булгакова поморщился и отмахнулся: мол, не фигура, не мыслитель – в отличие от автора «Русского леса». Впрочем, это ещё полбеды: поэта Евтушенко он считал почему-то женщиной и звал *Евгенией* Евтушенко. Скорей всего, то было старческое озорство человека, когда-то определявшего силовые линии идейно-творческих полей и сосланного теперь в заштатный пединститут.

По моим наблюдениям, Булгаков входил в наше общественное сознание как-то странно, дискретно, что ли, какими-то фрагментами, которые долго не складывались в грандиозное целое. По крайней мере, так казалось мне, а ведь я был не только студентом-филологом, но и начинающим литератором, допущенным к изустным секретам советской литературы. Например, глотая «Мастера и Маргариту», я и сам не сразу сообразил, что это тот же самый Булгаков, который написал биографию Мольера в «ЖЗЛ», – её я прочёл ранее. Книга поразила меня, школьника, какой-то лихостью, не характерной для этой мемориальной серии, пропитанной пиететом, удивила свободой обращения с жизнью мирового классика, словно автор вёл речь о своей литературной ровне. Да, только Михаил Афанасьевич мог вместо пролога поместить разговор с повитухой, которая держит на руках недоношенного младенца – будущего автора «Тартюфа».

А вот ещё одно наблюдение. Из 60 миллионов советских зрителей, посмотревших в 1973 году комедию Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», немногие заметили, от души хохоча, что это экранизация булгаковской пьесы «Иван Васильевич», шедшей, кстати, в Театре киноактёра. Во всяком случае, когда я обратил на это внимание своих друзей, они искренне удивились, хотя к первоисточнику отсылали крупные, во весь экран, титры. Между прочим, и в русской части 200-томной, весьма обстоятельной «Библиотеки всемирной литературы», выпускавшейся с конца 1960-х по середину 1970-х, тома Булгакова не оказалось. Помните? А ведь входившие в редколлегию Николай Тихонов и Константин Федин наверняка знали цену автору «Мастера и Маргариты». Впрочем, ревность к таланту литературного сверстника способна исказить историю словесности до неузнаваемости.

Почему же возвращение Михаила Булгакова не было столь безусловным и одномоментным, как, допустим, Бабея или Цветаевой? Думаю, тут важны несколько моментов.

Первый. Булгакова никогда не запрещали совсем, и возвращался он не как жертва политической борьбы, а просто как большой писатель, не уместившийся в своём прокрустовом времени. Напомню, в отличие от многих архисоветских авторов он умер в своей постели, а не на нарах или у расстрельной стенки. В СССР попутчикам жилось безопаснее, чем соратникам, ушедшим в уклон или оппозицию. Судьбы Бабея, Нарбута, Кольцова, Киришона или Пильняка – тому пример. Зато потом, в «оттепель», жертвы политической борьбы шумно реабилитировались уцелевшими единомышленниками и одноплеменниками, которые в 1960–1980-е годы доигрывали конспирологические партии, начатые в 1920-1930-е.

3. Русский писатель

Второй момент. Булгаков обладал чисто русским взглядом на мир и, соответственно, – национальным художественным даром. Такой, знаете ли, бывает, например, у Шевченко или Шолом-Алейхема. Но реализовывать свой дар писатель был вынужден в литературно-театральном пространстве, где господствовали лютый интернационализм и лукавая русофобия, прикрытые «земшарными» блузами и френчами. Мастер дожил-таки до частичной реабилитации русской традиции, даже подал заявку для участия в конкурсе на новый, патристический учебник истории, призванный заменить классовый кошмар школы Покровского. (Если учебник был написан и сохранился в архивах, хорошо бы найти, издать!) И, думаю, дело тут не только в крупной премии, обещанной правительством и сопоставимой с лотерейным выигрышем Мастера, но и в желании поквитаться за унижения своего народа в предшествовавший период, когда Бухарин всех русских объявлял «нацией обломовых». Достаточно вспомнить возмущённую запись в дневнике после посещения редакции журнала «Безбожник»:

«Сегодня специально ходил в редакцию «Безбожника». Был с М. С., и он очаровал меня с первых шагов.

– Что, вам стекла не бьют? – спросил он у первой же барышни, сидящей за столом.

– То есть как это (растерянно).

– Нет, не бьют (зловеще).

– Жаль.

Хотел поцеловать его в его еврейский нос...

Тираж, оказывается, 70 000, и весь расходуется. В редакции сидит невероятная сволочь...

– Как в синагоге, – сказал М., выходя со мной...

Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера «Безбожника», был потрясен... Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены».

Однако к концу 1930-х, когда «националистический нэп» (выражение тех времен) набрал силу, писатель был уже безнадежно болен. Да и последний его роман не вписывался по всем своим параметрам в ту прощенную и разрешённую часть русской культуры, которую поощрял новый, национал-большевистский курс. Русскую традицию реабилитировали лишь настолько, насколько она могла быть полезна многонациональной советской империи. А когда русская самость слишком поднялась после войны, ее прихлопнули жутким «ленинградским делом», по кровавости не сопоставимым с гонениями на космополитов, тоже весьма суровыми.

И, наконец, третий момент, объясняющий «дискретное» возвращение Булгакова. Он один из немногих, кто в сверхполитизированные 1920–1930-е годы писал так, как хотел, повинаясь лишь своей внутренней свободе. Помните:

«– О чем роман?

– Роман о Понтии Пилате.

Тут опять закачались и запрыгали язычки свечей, задребезжала посуда на столе, Воланд рассмеялся громовым образом, но никого не испугал и смехом этим никого не удивил. Бегемот почему-то зааплодировал.

– О чем, о чем? О ком? – заговорил Воланд, перестав смеяться. – Вот теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы? Дайте-ка посмотреть, – Воланд протянул руку ладонью кверху...»

Несколько упрощая и осовременивая тему, можно сказать, что мастер существовал вне тогдашних «букеров», «больших книг», «золотых масок» с их идеологическими, тематическими, клановыми, мелко конъюнктурными, а то и просто меркантильными установками. Тогда, например, было выгоднее ненавидеть царскую Россию, великодержавный шовинизм, «нацию обломовых». Сегодня доходнее презирать СССР, «русский фашизм», «совков». Какая разница? Никакой. Русофобия – дама модная и всегда драпируется в идеологические тряпки из последней сезонной коллекции.

Да, репертком Булгакова не любил. А что, разве нынешний «агенпоп» (агентство по печати) любит самостоятельных писателей, обладающих оригинальным, да ещё русским даром? Нет, не любит. «Реперткомы» начинают понимать оригинальность только после того, как она запущена в серию. Этим и объясняется, что сочинения, попадающие в короткие списки нынешних премий, похожи друг на друга, как штампованные сувениры. Таковы же фильмы и спектакли. Штопор в виде возбуждённого фавна – правда, занятно? А если таких фавнов целая полка!?

4. Золотая норма

И тут я хочу поделиться некоторыми своими соображениями о природе писательского дара. Почему одни авторы выпадают из нашего зрения при первом же извие литературного процесса, как оставшиеся за кормой прибрежные избушки, другие ещё некоторое время маячат за поворотом русла, точно обглоданные атеизмом колокольни, а третьи светят всегда, подобно звёздам над головой? В чём дело? В авторской установке на вечность или сиюминутность? Нет. Любой нормальный писатель садится к столу, взыскуя вечности. Циничные борзописцы не в счёт, они к литературе имеют такое же отношение, как бывалые девицы по вызову к тайне любви. Помните, даже графоман Рюхин ревновал к славе Пушкина, конечно, понимая её по-своему: «...Что бы ни случилось с ним, всё шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «буря мглою»? Не понимаю!.. Повезло, повезло... Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...» Кстати, Шарику тоже «свезло» – профессор Преображенский сделал его человеком. Примерно так же в те годы из малограмотных ударников и рабкоров с помощью массового призыва в литературу пытались лепить новых властителей дум. Почти все они вскоре, как и прооперированный пёс, вернулись в первобытное состояние. Иных из «призванных», уже стариками, я застал в 1970-е слоняющимися по Дому литераторов в ожидании дармовой рюмки. Интересно, вкладывал ли автор «Собачьего сердца» и эту окололитературную аллюзию в свою знаменитую повесть?

Между прочим, конец прошлого и начало нынешнего века ознаменовалось массовым призывом филологов в литературу. Логика та же: если человек знает историю литературы, читал основополагающие тексты, безошибочно отличает метонимию от литоты, то из него обязательно выйдет писатель. А вот и нет. Количество филологических знаний не переходит в качество художественного таланта, подобно тому, как от массажа дамского живота, даже весьма темпераментного, дети не зачинаются. Результат у всех перед глазами: при обилии олауреаченных сочинений найти талантливую книгу очень трудно. У меня от нынеш-

него литературного процесса странное впечатление: будто сотни безголосых преподавателей сольфеджио набились на сцену Большого театра и запели хором. Ужас!

Но вернёмся к тайне ремесла. Почему одни книги уже через десять-двадцать лет читать невозможно, а другие продолжают нас волновать? Почему одни устаревают, а другие почти нет? И что именно устаревает в первую очередь? Тема, жизненный материал? Но ведь история «Барышни-крестьянки» невозможна без крепостного состояния, а, поди ж ты, волнует нас и через сто пятьдесят лет после отмены «рабства дикого». По моим наблюдениям, главное устаревание текста происходит на языковом уровне. Попробуйте сегодня почитать «Красное дерево» Пильняка! Прочсть-то прочтёте, конечно, но это будет серьёзное филологическое занятие. Затрудненное чтение, как и затрудненное дыхание, радости не приносят. Кроме того, когда устаревают приметы текущего быта, актуальные намёки, шпильки и затрещины литературно-политической борьбы, многие сочинения делаются просто скучными. Становится ясно: они были не талантливы, а лишь казались или провозглашались таковыми. Увы, в литературе много званных, меньше избранных и совсем мало одарённых тем, что необходимо для долгого читательского успеха.

Речь, прежде всего, о двух главных качествах — абсолютном языковом слухе и даре рассказчика. Они даются от рождения, выработать их в себе нельзя, можно лишь симитировать, чем многие и занимаются, иногда не без внешнего успеха. Сизифов подвиг Солженицына тому пример. Чаще всего сами авторы не чувствуют отсутствия у себя этих базовых качеств. Так, избалованная родней дурнушка недоумевает, почему за порогом отчего дома никто не замечает её очевидную красоту. Таким авторам кажется: чтобы ухватить живой язык, достаточно зайти в народ, побегать по цехам, пивными помойкам с блокнотиком или, как теперь принято, «погуглить». И вся недолга! Нет, далеко не вся. Так, за два десятилетия увлечения «вербатимом» та же «новая драма» не дала нам ничего годного даже для самого непритязательного репертуара. Премии? «Золотая маска»? А это теперь как нагрудный знак «Молодой гвардеец пятилетки». Не более того... Некоторое время иллюзия успеха поддерживается критикой, она замечает и выдвигает именно такую «актуальную современность» в литературе или драматургии, норовя при каждом удобном случае «ударить по пилатовщине». Иной критик напоминает мне теоретическую балерину, никогда не стоявшую на пуантах, зато знающую, как их правильно завязывать.

Многие зоилы Булгакова искренне не понимали, чем он лучше Артёма Весёлого или Фёдора Гладкова. Другие понимали и за это не любили его ещё больше: чужой не может быть талантлив по определению. Не забудем, Булгаков пришёл в отечественную словесность, когда из неё систематично и жёстко изгонялись не только русский дух, но и буква: уже было подготовлено решение о переводе орфографии на латиницу, многие национальные языки на неё перевели. Если бы не заминка с мировой революцией и не приход к власти фашистов, отрезвивших кремлёвских мечтателей, мы вполне могли бы сегодня вести речь о писателе Bulgakove и его романе «Master i Margarita». Именно в 1920-е начала складываться «двухообщинность» русской словесности, которой, в отличие от национальных литератур, почти не коснулась политика «коренизации», т. е. государственной поддержки национальных кадров во всех сферах. Наоборот, до середины 1930-х в русской литературе шел процесс «искоренизации», от слова «искоренить». Он-то и привел к расколу. Именно политика, а не эстетика сделала антиподами, скажем, Павла Васильева и Эдуарда Багрицкого. Власть, спохватившись, пыталась в 1940-1970-е бороться с этим процессом размежевания или хотя бы замедлить его, но тщетно — «двухообщинность» окончательно оформилась, победив в 1991 году. Теперь, скажем, Василий Аксёнов и Василий Белов, в сущности, принадлежат к почти разным литературам. А главный вопрос нашей «двухообщинной» словесности можно свести к фразе из комедии «Иван Васильевич»: «Ты чьих будешь?»

Булгаков вызывал у собратьев по цеху не только идеологическое и клановое раздражение, но и чисто профессиональное, ибо принадлежал к тем немногим писателям, которые ощущают родной язык на уровне «золотой нормы». Именно она остаётся после того, как спадёт вербальная пена эпохи, и она, «золотая норма», действительно добывается, как радий, из «тысячи тонн словесной руды». Прав был Маяковский, обладавший тем же даром, потому и оставшийся в поэзии едва ли не один из всего бутафорски-пошивочного цеха супругов Бриков. Неслучайно Булгаков и Маяковский общались на равных, хотя и недолго любили друг друга. Вспомним хотя бы эпизод, когда «горлан-главарь» подсказал мастеру фамилию для злодея-учёного: Темирзяев. Гениально! Однако Михаил Афанасьевич назвал своего профессора Персиковым.

На каком-то подсознательном уровне писатели с таким даром чувствуют, в каком направлении будет развиваться язык. Именно этот «будущий» язык и ложится в основу индивидуального стиля. Особо рьяным современникам манера таких писателей часто кажется старомодной, не поспевающей за обновлением мира и общества. А речь всего лишь о продвинутом языковом консерватизме. Соратники-футуристы пошли гораздо дальше Маяковского. А толку? Проза зрелого Булгакова вообще на фоне «производственного романа» тех лет кажется приветом из классики XIX века. И что? Бежать за новизной – это как догонять по шпалам ушедший поезд. Лучше подождать в станционном буфете, пока состав тронется в обратный путь. А с новизной это случается всегда, она обязательно сдаёт назад.

Теперь о втором неперменном качестве писателя. Он должен обладать врождённым даром рассказчика, а это примерно то же самое, что и талант мелодиста в музыке. Он или есть, или его нет. Речь не об умении закрутить сюжет, выстроить интригу, поддержать динамику. Нет! Этому можно научиться даже в Литинституте, если попадёшь к хорошему руководителю семинара. Речь совсем о другом – об умении превратить в сюжет интонацию, саму манеру повествования, склад речи. Это дано немногим. Булгаков таким даром обладал. Из моих старших современников на такое был способен Владимир Солоухин, за что его терпеть не могли филологические прозаики, ушибленные Прустом. Этим же даром, без сомнения, обладал Фазиль Искандер, а также Юрий Нагибин, но лишь до того, как повредился на почве национальной самоидентификации.

5. Литературный волк и стриженные пудели

Совокупность этих двух талантов – языкового слуха и дара рассказчика – сразу неизмеримо поднимает писателя над коллегами по перу. Конечно, Булгаков, как те же Алексей Толстой и Андрей Платонов, ощущал своё превосходство над большинством современников, и это сквозит в его поведении, в быту, в манере одеваться. Знаменитый галстук-бабочка – это, как бы мы сейчас сказали, сознательный маркер избранности, как и грубый свитер Хемингуэя. Михаил Афанасьевич даже письмо Сталину в 1931 году при всей тяжести написал так, как не мог позволить себе никто другой. Я при цитировании постарался сохранить строфику и выделенные автором фрагменты. Судите сами:

«Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

«Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным. Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо было для произведения большого и стройного труда. Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает; перо писателя нечувствительно переходит в сатиру...

... мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование и что именно для службы моей отчизне я должен буду воспитываться где-то вдали от неё.

... я знал только, что еду не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорее, чтобы натерпеться, – точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от неё».

Н. Гоголь»

Это эпитафия. Вы поняли? Письмо вождю с эпитафией. Оригинально, согласитесь! Я вот написал не одно письмо президенту Путину о трудностях «Литературной газеты», но ни разу не догадался предпослать эпитафию. (Может, и к лучшему, ведь вождь в отличие от президента автору не ответил) И далее Булгаков без всякого перехода и мотивации этой обширной гоголевской цитаты высказывается по существу вопроса:

«Я горячо прошу Вас ходатайствовать за меня перед Правительством СССР о направлении меня в заграничный отпуск на время с 1 июля по 1 октября 1930 года.

Сообщаю, что после полутора лет молчания во мне с неудержимой силой загорелись новые замыслы, что замыслы эти широки и сильны, и я прошу Правительство дать мне возможность их выполнить.

С конца 1930 года я страдаю тяжёлой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен.

Причина болезни моей мне отчётливо известна. На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный ли, стриженный ли волк, он всё равно не похож на пуделя. Со мной и поступили как с волком...»

Сам помучившись в своё время с «фобическим неврозом», могу утверждать: более точного описания этого болезненного состояния я ни у кого не встречал: «припадки страха и предсердечной тоски». Не сердечной, а именно – предсердечной. Лучше не скажешь! Кто страдал – поймет. Зачем понадобилась такая откровенность? Витали слухи, что у генсека тоже с нервишками проблемы, а общие недуги сближают. Трудно вообразить, чтобы кто-то ещё мог позволить себе отправить в высшую инстанцию письмо, выстроенное против всех правил «прошений». Обширная цитата из Гоголя следует сразу за обращением к Сталину и сначала воспринимается как слова самого Булгакова. С одной стороны, это намёк на то, что создателю «Ревизора» многолетние «загранкомандировки» не мешали знать и любить Отечество. С другой стороны, тут очевидна заявка на соизмеримость Михаила Афанасьевича с Николаем Васильевичем. Это подтверждают слова автора письма о том, что он, Булгаков, – «один-единственный литературный волк» в СССР. Какое слово тут ключевое – «волк» или «единственный»? Думаю, оба.

О «стриженном пуделе» стоит сказать особо. Именно к этой породе Михаил Афанасьевич явно относит почти все остальное литературное сообщество за редкими исключениями. А ведь это сообщество было жёстко сформировано как раз той самой правящей партией, к лидеру которой и обращается с просьбой заявитель. В таком тоне писатели не позволяли себе говорить не то что со Сталиным, а даже с Горбачёвым, всем своим видом вызывавшим желание налепить ему на голову томатную пиццу...

Именно дерзким самостоянием, помимо замечательного таланта, можно объяснить стойкий читательский и зрительский успех Булгакова. Литератор, гуляющий, как пудель, на поводке у власти или у оппозиции, а также влекомый запахом сыра в премиальной мышеловке, устаревавший быстрее, чем лозунг вчерашних выборов. Именно внутренняя свобода

так бесила собратьев по перу и неистовых зоилов, недоумевавших, куда же смотрит ОГПУ. Между прочим, «Г.П. Ухов» – один из псевдонимов Булгакова. Улавливаете? Как говорится, наш ответ Киршону. Теперешним критикам, обслуживающим современную «акустическую комиссию» и гнобящим нынешних «литературных волков», чаще надо бы заглядывать в педантично составленный памятливым Михаилом Афанасьевичем список его хулителей и очернителей: «Авербах, Алперс, Бачелис, Безыменский, Лелевич, Биль-Белоцерковский, Вишневский, Киршон, Машбиц-Веров, Орлинский, Пельше, Блюм, Пикель, Рубинштейн, Циновский» и т. д. Желаете, господа, остаться в истории отечественной словесности таким же образом? Нет? Уже остались.

6. Латунские-булгаковеды

Кстати, составитель одной из последних биографий Булгакова поостерёлся включить приведённый список в свой толстый том. Неполиткорректные фамилии. Но кто же в этом виноват? Из песни слова не выкинешь. Зато Солженицын не побоялся и полностью привел список гонителей в своем двухтомном труде «Двести лет вместе». А мог ведь тоже уклониться по семейным обстоятельствам. Вообще, в сочинениях о Булгакове находишь много чепухи. Вот, к примеру, вышедшая в «ЖЗЛ» книга Алексея Варламова. Работа в целом вполне достойная, если не считать усердного антисоветизма, присущего обыкновенно отпрыскам номенклатурных семей. Но и в ней есть некоторые странности. Так, автор видит всех идейных противников Булгакова если не мерзавцами, то приспособленцами и двурушниками. Но это ведь далеко не так – у многих врагов писателя, если отбросить зависть, была своя правда: они верили в красную идею, прошли Гражданскую войну, рисковали жизнью, победили и ожидали увидеть на литературном поле советской республики соратников и единомышленников. А тут белогвардейскую пьесу Булгакова продвигает в репертуар МХАТа чуть ли не сам Сталин. (Во всяком случае, вопрос выносится аж на Политбюро) Есть от чего взвиться! И далеко не все враги Булгакова оказались на поверку приспособленцами, многие, не согласившись с отходом от мировой революции, сгинули в ГУЛАГе, который сами же и построили для врагов социализма. Кто же знал, что социализм отчасти обрусееет и станет великодержавным! Не стоит на то сложное, противоречивое время смотреть глазами советского диссидента, подрабатывающего чтением в колхозных клубах лекций об образе Ленина в кино.

Впрочем, высказывание еще одного булгаковеда меня просто озадачило. Сообщая о браке Булгакова с Еленой Сергеевной, автор не смог удержаться от ветхозаветного восторга: «И слились две великие крови!» Как, каким образом? Общих детей-то у них не было. Странно слышать такое решительное утверждение о верховенстве крови из уст автора, который обычно в таких политкорректных вопросах боязлив, как дачный заяц. Если это аллегория и речь идёт о преодолении через женитьбу тех черт булгаковской прозы, которым посвящена книжка Михаила Золотоносова «Мастер и Маргарита как путеводитель по бытовому русскому антисемитизму» (1995), то вряд ли брак повлиял на писателя в этом смысле. Он был, по-моему, в сфере семейного строительства скорее прагматиком. Во всяком случае, история его предыдущего брака с Белозерской, наводит на подобные размышления. Следует также напомнить, Елена Нюренберг была дочерью рижского еврея-выкреста и поповны, но в семье от прежнего отцовского иудейства ничего не осталось, кроме, полагаю, родственных связей. К тому же, инородцы окраин империи явно не разделяли крайностей русофобии 1920-х годов. Они быстро поняли: латышский или украинский национализм не идет ни в какое сравнение с великорусским, так толком и не оформившимся под тяжестью державной ноши.

Нисколько не умаляя страстного сердечного влечения мастера, осмелюсь предположить: для него это был ещё и оборонительный союз, заключенный с женщиной, имевшей родственные, деловые и дружеские связи в новой советско-космополитической элите, в мире сросшихся карательных и культурных органов, где Булгаков, в отличие от того же Бабеля, был чужаком. Еще один яркий пример такой «кентавризации» – Всеволод Мейерхольд, получивший немало ядовитых стрел от Михаила Афанасьевича. Вспомним хотя бы трапедию с голыми боярами, задавившую, рухнув, реформатора сцены. Третья женитьба Булгакова чем-то напоминает мне брак Чехова с Ольгой Книппер. Кстати, родная сестра Елены Сергеевны Ольга Бокшанская служила в Художественном театре всё при том же Немировиче-Данченко. А возможно, и приглядывала за титаном. Любопытная параллель, не правда ли...

В юбилейный год, читая материалы о Булгакове, наблюдаешь глупые попытки нынешней «акустической комиссии» вогнать его в антисоветский дискурс. Я далёк от того, чтобы представлять автора «Багрового острова» адептом или хотя бы «яростным попутчиком» большевиков, но он, как и другие думающие современники, понимал: сложившийся после революции режим – это возмездие за накликаемую революцию, это если и зло, то вынужденное делать добро, хотя бы ради самосохранения. Но попробуйте сегодня объяснить это продолжателям дела незабвенного профессора Покровского в отечественной гуманитарной науке! В ответ они затянут песню про ГУЛАГ, столь же популярную среди нынешней мемориальной интеллигенции, как фокстрот «Аллилуйя» в 1920-е годы. Кстати, именно эта общественная тусовка имеет нынче гораздо большее влияние на политику СМИ, включая ТВ, нежели профильное подразделение Администрации президента. Уж, поверьте мне, израненному ветерану эфирно-строчечного фронта...

И хотя со времен посещения Воландом Москвы жизнь в стране сильно переменялась, принципы воздействия на умы сограждан остались те же. Всё-таки язвительный мастер неслучайно придумал для контрольно-указующих органов (и тусовок) кличку «акустическая комиссия», ибо замалчивание очевидного и ретрансляция нелепого – основные приёмы введения в заблуждение. А глушение – тоже вид запрета. «Акустика», точнее, сиюминутный, целенаправленно усиленный резонанс фальшивого звука, – это именно то, что сейчас мы зовем манипуляцией общественным сознанием.

Но искусственная акустика недолговечна, её результат рассасывается порой ещё до того, как очередной «любитель домашних птиц» Семплеяров вылетит из чиновного кресла. Записные акустики, сидевшие не столько в ЦК, Главлите и ОГПУ, сколько в Союзе писателей, замалчивали мастера почти полвека. Прежде всего, потому, что у него был дар и, как следствие, самостоятельность. Замалчивали. И что? Всё кончилось булгаковским бумом, когда, как справедливо тосковал Рюхин: «... Что бы ни случилось с ним, всё шло ему на пользу, всё обращалось к его славе!» И это воистину так! Именно Булгаков стал одним из символов русской литературы XX века, хотя критики сначала «гнали его по правилам литературной садки в огороженном дворе», а потом просто не замечали – как умер. И где теперь они, званные, избранные, обласканные? Вы давно были на премьере Вишневого или Биль-Белоцерковского? Давно читали на ночь Бедного или Безыменского? Давно клали под подушку «Электроцентраль» Шагинян? А ведь все они любимцы акустической комиссии, лауреаты всех степеней, кавалеры всего, что висит. Они классики той, булгаковской эпохи, где самому Михаилу Афанасьевичу отводилась роль маргинала, сочиняющего на смерть глядя какой-то вздорный роман о чертях и Понтии Пилате. Где они теперь, эти классики? Зато латунские поголовно стали булгаковедами и пишут биографии мастера, используя его авторитет в сиюминутных околосредовых склоках, призывая ударить по «шариковщине». Ей-богу, когда я впервые увидел Смелянского, то ахнул: ну, вылитый Латунский!

7. Электротеатр

Шёл я недавно по Тверской улице мимо «электротеатра “Станиславский”» и вспомнил вдруг, что когда-то здесь, в Московском драматическом театре имени Станиславского, впервые увидел «Дни Турбиных» в постановке Михаила Яншина с Евгением Леоновым в роли Лариосика. Кстати, вы когда-нибудь задумывались, почему автор так назвал или согласился с таким названием сценической версии «Белой гвардии»? Ну да, вроде бы понятно: литературная переключка – «Труды и дни», «Дни нашей жизни»... Но мне кажется, тут затаён более глубокий смысл. Действительно, то были их дни, дни Турбиных, небольшой период, когда исход революции и Гражданской войны зависел от того, на чью сторону станут Турбины, не только конкретная семья, описанная в романе, а шире – тот образованный, работающий и патриотичный слой русского общества, чей выбор, в конечном счёте, и определил победителя. Как потом подсчитали, даже офицерский корпус, главная надежда сил реставрации, поделится примерно пополам между белыми и красными... «Так за Совет народных комиссаров мы грянем громкое “ура-ура-ура!”»

Ах, что за чудо был тот давний яншинский спектакль! И такая мрачная сегодняшняя символика: «электротеатр». Прямо какая-то помесь варьете Стёпы Лиходеева с нехорошей квартирой. Напомню, именно наступлению «электротеатра» насмерть противостоял драматург и режиссёр Михаил Булгаков. Нет, я не о сценаристе, боже меня упаси! Братья Люмьеры и Васильевы тут ни при чём. Я о той выдуманной сценической новизне, что горит не живым одухотворённым светом, а лишь рябит да прыгает в глазах, точно голые бояре на трапедии. Эта новизна словно бы подключена к тарахтящей динамо-машине, которая с одобрения «акустической комиссии» снабжает дурной энергией очередной окончательный эксперимент над искусством и здравым смыслом.

Не огорчайтесь, Михаил Афанасьевич, и этот «электротеатр» ненадолго.

Журнал «Москва», 2016

Бутов и его полигон

Хочу поблагодарить «Вечерку» за возможность прокомментировать материал Михаила Бутова «Литературного заговора нет, а есть нехватка хороших авторов», который в Международный день писателя опубликован рядом с моим интервью, видимо, в качестве альтернативной точки зрения. Однако, никакой альтернативы я не заметил. Во врезе читаю: *«На столе перед Бутовым – огромная стопка книг. Ее ему предстоит прочесть не более чем за три-четыре недели, чтобы вскоре приступить к следующей стопке... Он будет отбирать те произведения и тех авторов, которые позже войдут в список номинантов на крупнейшую отечественную литпремию – «Большая книга».*

У любого здравого человека сразу возникнет недоумение: почему один и тот же литератор, весьма ангажированный, вот уже второе десятилетие, изнуряясь, обязан без отдыха читать (?) и отбирать книги для «крупнейшей» российской литпремии (ПБК). Кстати, таковой она стала, будучи, по сути, «дочкой» Министерства связи со всеми вытекающими материальными и информационными преимуществами перед иными премиями. Такой рекламы и денежного содержания не имеют даже правительственные премии. Монополизм ПБК привел к тому, что писателей, даже очень хороших, но не допущенных в ее орбиту, для информационного пространства, а, значит, и для большинства читателей как бы не существует. По странному стечению обстоятельств в основном это писатели патриотического направления.

Почему я считаю Бутова ангажированным? А какой же он еще, если заявляет, будто «99 % членов советского Союза писателей просто не заслуживают того, чтобы о них вспоминали! Они были порождением номенклатурной системы...» Чем-то мне это напоминает отношение того же Пролеткульта в 20-е годы к дореволюционной литературе: сатрапы царизма! А сатрапы – это «золотой» и «серебряный» века отечественной словесности. Извиняет Бутова лишь то, что его мрачный максимализм от незнания, ведь до 20 % членов СП СССР были художественными переводчиками, благодаря которым мы смогли по-русски прочитать лучшие произведения зарубежной литературы. Еще около 20 % – авторы научно-познавательных, популярно-исторических и других воспитательных книг. И все они «порождение номенклатуры»? Об оставшихся 59 % поговорим в другой раз, но замечу, что профессиональный уровень даже самых «проходных» советских романов о рабочем классе был гораздо выше тех текстов, что из года в год попадают в «короткие списки». Кстати, отпечаток болезненного и неосведомленного антисоветизма лежит на всей деятельности ПБК.

Говорю все это со знанием дела, так как некоторое время я, как главный редактор «ЛГ», довольно близко соприкасался с ПБК, входил в число так называемых «академиков», а в 2008 году согласился на роль сопредседателя жюри вместе с А. Архангельским. Кстати, функция это чисто декоративная. То, что я увидел вблизи, подтвердил мои самые мрачные догадки. Явным лидером того года был мощный роман «Каменный мост» А. Терехова. Вторым номером шла хорошая литературоведческая беллетристика (книга про личную жизнь Ахматовой) А. Марченко. Но «экспертное сообщество» отдало вдруг первую премию беспомощному сочинению Юзефовича «Карлики и журавли», о котором, думаю, читатели «Вечерки» даже не слышали. Когда я вскрыл конверт, то сначала хотел отказаться вручать премию, как это сделал Меньшов, не ставший вручать приз фильму «Сволочи» – подлой фантазии о военном детстве. Но мне стало жаль седого Юзефовича, он же не виноват, пишет, как умеет. Вина на тех, кто крутит этот литературный «лохотрон». Молчать я не стал и сразу высказал свои претензии к ПБК и не в «ЛГ», как можно подумать, а на страницах газеты, которую выпускала сама «Большая книга». Среди прочего, предложил регулярно менять председателя «экспертного сообщества», да и сам совет чаще обновлять во избежание «сговора монополистов»,

ибо «эксперты» все тоже из одной реторты. Пригласите, говорил я, в модераторы критика из губернской России или из республики, и вы увидите совершенно другую литературу! Пригласили? Конечно, нет, ведь тогда пришлось бы выйти за узкий круг своих авторов, страдающих гормональным либерализмом. Но эта публика к честной творческой конкуренции не привыкла.

Объясню, как работает, «экспертное сообщество». Допустим, в редакцию ЛГ прислали новую книгу того же Бутова, а у меня есть два рецензента. Один давно всем сердцем не любит автора новинки. Второй относится к нему без предубеждений. От того, кому я закажу отзыв, и зависит, какая рецензия, объективная или намеренно разгромная, появится в газете. Конечно, я отдам книгу объективному автору, а вот сам Бутов, судя по тому, что каждый год ПБК упорно воспроизводит один и тот же «набор литературных хромосом», беспристрастностью не страдает. Отсюда и нехватка хороших авторов. Ведь если искать их только среди своих, приходится даже Б. Екимову объявлять последним «писателем-деревенщиком». О существовании А. Байбородина, В. Личутина или В. Лихоносова Бутов, видимо, и не подозревает: эти авторы печатаются в «Нашем современнике», а не в «Новом мире», где служит наш модератор. А чужой для него не может быть талантлив по определению. Его даже читать не надо. Конечно, никакого заговора в литературе нет, есть только сытый междусобойчик за казенные деньги.

Теперь о любимом приеме моих оппонентов – переводить принципиальную критику в личную сферу. Бутов объявляет: «Книга Юрия Полякова выдвигалась на премию в самом первом сезоне, но не удостоилась благожелательности экспертов, откуда и его давняя нелюбовь к «Большой книге». А выдвигать каких-либо других писателей «Литературка», наверное, считает ниже своего достоинства». Деликатные англичане в таких случаях говорят: «Не надо экономить правду!» Бутову хорошо известно, что ЛГ никогда никого не выдвигала на ПБК, в том числе и мой роман «Грибной царь». Зачем нам пустые хлопоты? Два года назад я уже объяснился на эту тему с пресс-центром ПБК, обвинившим меня в сведении счетов и подрыве деловой репутации «Большой книги». Позволю себе самоцитирование: «Репутации ПБК повредить невозможно, как невозможно повредить репутации женщины известного поведения... В 2005 или 2006 профессор-литературовед В. Агеносов, несмотря на мои возражения, номинировал на ПБК мой роман «Грибной царь», который не вошел даже в длинный список, о чем я профессора предупреждал заранее. С тех пор «Грибной царь» переиздан более десяти раз, экранизирован, инсценирован, переведен на иностранные языки. Если вы мне назовете хоть один роман, получивший ПБК и имевший потом такую же судьбу, я уйду в монастырь»...

В монастырь, мне, как видите, уходить не пришлось. Но и коллега Бутов продолжает игры на литературном полигоне для своих. Зачем же тогда эти мои замечания? Для власти? Нет, ее, судя по всему, устраивает либеральный перекосяк в литературной жизни страны. Писал я скорее для истории, чтобы потом, когда «либеральный пролеткульт» грохнется, как всякое ложное построение, никто не смог бы сказать, мол, «народ безмолвствовал».

«Вечерняя Москва», 2016

Как я был врагом перестройки

Попробую выразить ощущения, какие испытывает средней неизвестности литератор, внезапно прославившийся. Вообразите ничем не выдающуюся, скучно обыкновенную даму. И вот однажды, она, невострепованно задремав в одинокой постели, просыпается ослепительной красавицей. Подруги в отчаянье озирают ее скрипичную талию, переходящую в виолончельные бедра, и плачут дома перед зеркалом. А мужчины, вчера едва замечавшие простушку, теперь с мольбой заглядывают в ее глаза и с томительным зовом смотрят ей вслед. Compliments, цветы, в глазах рябит от предлагаемых рук и сердец... Вообразили?

Тогда продолжим наш рассказ.

1. Ветер перемен

Нечто подобное случилось и со мной после выхода в январе 1985-го в «Юности» моей первой повести «ЧП районного масштаба». Так бывает, молодой автор своим творческим жалом вдруг попадает точнехонько в некий общественный нерв, не обнаруженный почему-то опытными литературными иглоукалывателями. И вся читающая страна, как Иоланта, содрогается в коллективном прозрении: «Ах! Где были наши глаза?» На почти ежедневных встречах с читателями я чувствовал себя чуть ли не пророком, от которого ждут, по крайней мере, объяснения смысла жизни и политических прогнозов на ближайшие лет сто. Сначала я, конечно, робел, но потом ударился в оптимистическое визионерство. Мне верили, а число граждан, желающих немедленно со мной выпить, неумолимо росло, угрожая здоровью.

Как-то, в начале 1986 года, я пришел в наше литературное министерство – Союз писателей СССР, расположенный в «доме Ростовых» на улице Воровского (теперь Поварская). Мне надо было оформить документы для заграничной командировки, о чем прежде даже не мечталось, а тут вдруг позвали в Болгарию! Иду и вижу: мне навстречу по узкому коридору, подобно тугому поршню, движется второй человек в СП СССР Юрий Николаевич Верченко. Он был настолько толст, что на самолет ему брали два билета: в одном кресле не помещался. В коридоре разойтись с ним можно было, лишь нырнув в какой-нибудь кабинет. Что я и собирался сделать. Но этот прежде едва замечавший меня литературный генерал остановился, хитро улыбаясь, поманил пальцем-сарделькой и спросил:

– Знаешь уже?

– Что, простите?

– Не знаешь? Тогда слушай: вчера Михаил Сергеевич хвалил твое «ЧП» на Политбюро. Сказал: побольше бы нам таких. Понял? Только не зазнавайся!

– Ну что вы! – я замотал головой, изображая послушное смущение, которое так нравится начальству.

– Ладно, ладно, скромник! – он глянул на меня с внимательной усмешкой раскройщика судеб.

Потом не раз я встречал в жизни этот примерочный взгляд начальства, выбирающего очередного кандидата на выдвижение. Меня двинули в 86-м, избрав сразу секретарем Московской писательской организации и СП РСФСР, а также членом правления СП СССР. Теперь, когда литературное сообщество превратилось в нечто среднее между профсоюзом бомжей и клубом вольных графоманов, понять степень моего возвышения трудно. Чтобы люди, забывшие или по молодости лет не знающие номенклатурных раскладов, поняли, о чем речь, могу дать подсказку. Представьте: вы сразу стали членом совета директоров Газпрома, Роснефти и Сбербанка. Одновременно! Так понятнее? Остается добавить: в те далекие годы известный писатель занимал в кремлевской табели о рангах очень высокое

положение. А как же! Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Брежнев – все писали книги. Ныне это место в преи скуранте начальственного благоволения отдано медальным спортсменам, энергичным инвалидам-колясочникам и ночным мотоциклистам, прикрепившим к рогатому рулю наш триколор.

Когда перед съездом писателей СССР обсуждали новый состав высшего органа – секретариата, мудрый Георгий Мокеевич Марков, увидав в списке и мою фамилию, спросил: «Вы что, совсем хотите парню жизнь испортить!» И меня гуманно понизили – переместили в правление, а то бы я впервые в истории стал трижды секретарем. Но и без того мой вертикальный взлет вызвал сдержанное негодование коллег и даже эпиграммы:

*Гляжу с тоской на Полякова Юру
Писуч, активен, на лицо хорош.
Вошел, он, словно лом, в литературу.
Куда еще ты, комсомолец, прешь!*

Неведомый зоил обыграл известные стихи Михаила Светлова про «комсомол шестидесятых лет»:

*И скажет космос: «Кончилось пространство!
Куда еще ты, комсомолец, прешь!»*

Центонная стихотворная сатира была и тогда в моде, просто никому не приходило в голову делать из этого профессию. Обиду и раздражение коллег понять можно: многие за право войти в какое-нибудь занюханное правление без усталости интриговали, суеились, выполняли соцзаказы и гнули партийную линию так, что, в конце концов, сломали. К примеру, прозаик и главный редактора журнала «Октябрь» Анатолий Ананьев, не найдя своей фамилии в списке будущих секретарей, упал в обморок и оставался без сознания, пока ему не шепнули, мол, вставай, дурашка, – вписали тебя куда следует. А тут какого-то молокососа после первой же повестушки буквально опутали литературными лампасами с ног до головы. Обидно, да?

Тем временем в стране набирала силу перестройка. Мало, кто понимал, *что* это такое. Просто помолодели лица вождей, в мае и ноябре восходивших на трибуну мавзолея, хотя остальное пока было по-прежнему: кролики шли – бобры стояли. Но в журналах нет-нет да появлялись запрещенные прежде сочинения, вроде «Котлована» и «Собачьего сердца», или статьи о недостатках социализма, одолев которые, мы окажемся не в коммунизме, конечно, а в новом дивном мире, подозрительно напоминающем ароматно гниющий капитализм. Одним из первых на эту тему в статье «Авансы и долги» высказался бывший зять Хрущева экономист и писатель Николай Шмелев. Когда я с ним знакомился, на меня пахло дорогим вирджинским табаком. По тем временам верный признак принадлежности к выездной элите. Люди стали раскованнее, говорливее, смелее. То, о чем раньше бурчали на кухнях, теперь можно было услышать в трамвае и даже на партийном собрании. А переимчивые эстрадники уже пели о «ветре перемен», не подозревая по своему невежеству, что сея ветер, можно позвать бурю и даже цунами.

Воплощенным символом этих перемен был, конечно, генсек Горбачев. После своих предшественников, похожих на мумии, ожившие по важной государственной надобности, он выглядел почти юношей, говорил быстро, без бумажки, даже бормотал, улыбался и всюду таскал за собой жену Раису Максимовну, похожую на районную прокуроршу, одевшуюся для похода в облдрамтеатр. Конечно, опытные люди, пережившие не одну кремлевскую метлу – и железную, и кукурузную, вслушиваясь в жизнерадостный клекот нового лидера, качали

головами, не понимая, о чем, собственно, он токует и куда ведет. Но большинству было наплевать. Народ и в самом деле застоялся, хотел перемен. А тех, кто пережил настоящие перемены, сиречь, революцию, и знал, что это такое – радикальное изменение уклада, оставалось уже совсем немного. Они пытались предостеречь, тот же Молотов, но кто же слушает пенсионеров, даже выдающихся? Жизнь страны оказалась в руках Манилова, окончившего высшую партийную школу и прочитавшего под одеялом пару диссидентских книжек.

Шел, как я уже сказал, 1986 год. До настоящей, «хлестнувшей за предел» свободы было еще далеко. Еще песочили на парткоме коммуниста Окуджаву, пытавшегося из Польши ввезти в СССР видеокассеты с эротическими фильмами, необходимыми, как поведал бард, чистосердечно разоружившись перед партией, для сочинения интимных сцен в новом романе. Еще сажали за антисоветскую пропаганду и чтение «Посева». Еще военная цензура упорно, раз за разом снимала из подписного номера «Юности» мою повесть «Сто дней до приказа», но в шелесте алых знамен уже появилась усталость – так трепещут осенние листья перед тем, как опать.

2. Великий Габр

Вдруг позвонил режиссер Леонид Эйблин и сообщил, что меня хочет видеть Герой Социалистического Труда Евгений Иосифович Габрилович. Я опешил: что понадобилось от молодого писателя живому классику, автору «Машеньки» и «Коммуниста»? Так, вероятно, ошалел бы изобретатель РШУ (рогатки школьной усовершенствованной), вызванный для знакомства творцом АКМ (автомата Калашникова модернизированного) Я помчался и с трудом нашел Дом ветеранов кино на Нежинской улице, где мэтр обитал после смерти жены, всю жизнь продержавшей его даже не в ежовых, а в дикобразных рукавицах. Матвеевское в ту пору еще не сообщалось с Можайским шоссе, отделенным от трассы огромным оврагом, на дне которого виднелись покосившиеся сараи и квадратики городских огородов с синими завивающимися кочанами капусты.

Дом ветеранов кино (ДВК) построили, выгородив участок на краю ближней сталинской дачи. Символично, что создатели великого советского кинематографа доживали свой бурный век в угодьях вождя, сделавшего «электротheater» важнейшим из искусств, жестко, надежно и умело впрягшего синематограф в бронетелегу Советской державы. По чистым коридорам бродили знаменитые тени. На стенах висели застекленные рисунки Эйзенштейна и Юткевича. Устроен ДВК был по последнему слову медицины и геронтологии, являя образец суперсовременной богадельни. Даже вход был оборудован пандусом для колясочников. Это полвека-то назад! Вообще, должен заметить, верхушка советской творческой и научно-технической интеллигенции умела взбить вокруг себя особый кокон комфорта, почти невероятный в условиях советского бытового аскетизма. Удобрства эти нельзя было купить, а только выслужить у власти. Возможно, так оно и правильно. Если государственный муж может купить все, что хочется, зачем ему государство вместе с косоруким народом? Именно такие мысли посещают меня, когда я вижу в телевизоре иных нынешних министров.

Габрилович обитал в однокомнатной квартирке, заполненной книгами и старинными фотографиями. Широкую лоджию затеняли ветвями подросшие деревья. На столе стояла портативная пишущая машинка – вполне обычная, кажется, «Рейнметалл». Печатал мастер медленно, точно каждый раз заново отыскивал нужную букву на клавиатуре. А вот у Юлиана Семенова, записного плейбоя советской литературы, помню, была крошечная, в две ладони, «Колибри» с перепаянным за большие деньги русским шрифтом. Отправляясь в командировку, отец Штирлица по особому разрешению выкупал полностью купе, и весь путь, иногда многодневный, оглашал вагон непрерывным шелком вполне законной машинки для печатанья денег.

Великий Габр был уже стар, скрючен, ходил с трудом, страдая ногами, но ум его кипел замыслами. Удивительно работоспособное поколение! Иногда мне кажется, талантливые люди, погибшие в германскую, гражданскую и отечественную войны, сгинувшие в классовых, политических, партийных и религиозных разборках, удивительным образом передали уцелевшим свои нерастраченные жизненные и творческие силы. Возможно, существует такая еще не разгаданная наукой закономерность, и когда в нынешних фильмах про «те еще времена» советских энтузиастов изображают мятущими доходягами, мне просто смешно. Не надо свою бледную немочь и душевную плесень приписывать предыдущим поколениям. Они были другими.

Сказав пару добрых слов о моей нашумевшей повести «ЧП районного масштаба», Евгений Иосифович предложил написать с ним в соавторстве оригинальный сценарий. О чем? Вы будете смеяться – о партии, точнее, о хорошем человеке, попавшем в номенклатуру. «Какая ерунда!» – воскликнет читатель, привыкший смотреть на «совок» с «хазано-жванецким» прищуром. А вот и не ерунда! Писателей советской эпохи проблема коммуниста во власти волновала не меньше, чем вопрос престолонаследия – литераторов Шекспировского круга. От личных качеств людей во власти жизнь зависит всегда. И совсем не важно, что у них в кармане – партбилет или жалованная грамота...

Конечно же, я с радостью согласился. Еще бы – работать вместе с Великим Габром! О таком даже не мечталось! Кто не видел легендарную ленту «Коммунист» и не ронял слезы, сострадая заведующему колхозным складом Евгению Урбанскому, застреленному ревнивым кулаком! Все смотрели и все роняли. Ставить будущую картину должен был талантливый Леонид Эйтли, работавший до того вторым режиссером с Сергеем Юткевичем на фильме «Ленин в Париже». Продолжительная творческая командировка в капстрану и шейный шелковый платок придавали ему европейский вид, но судьба Отечества при этом его искренне волновала, в частности, беспокоило, что в Переделкино, где он с семьей снимал на лето дачу Нади Леже (теперь там Зураб Церетели), перестали ходить молочницы из соседней деревни. Кстати, как-то недавно мне позвонил поэт Евгений Евтушенко и потребовал, чтобы я, пользуясь близостью к Путину, восстановил в нашем писательском поселке почтовое отделение, как было при треклятой советской власти, а то теперь приглашения на посольские приемы приходят к автору «Братской ГЭС» с непоправимым опозданием. Что и говорить: поэт всегда с людьми!

Габрилович сразу предупредил: героем фильма, точнее, героиней будет молодая привлекательная дама. Его вообще в качестве объекта художественного исследования больше интересовали женщины, мужчин он считал слишком простоватыми и малоинтересными для искусства объектами. Нашу героиню изначально должна была играть прогремевшая в фильмах «Карнавал» и «Москва слезам не верит» актриса Ирина Муравьева, по совместительству жена Леонида Эйтли. Дело в киношном мире обычное. Достаточно вспомнить Орлову и Александрова. Я, кстати, не против семейственности в искусстве, если в брачных объятиях соединяются талантливы люди, а вместе с фамильным сходством и дачей в Мамонтовке дети наследуют еще и дар. Но талант, увы, не передается половым путем ни супругу в постели, ни младенцу в утробе. Творец распоряжается своими «искрами божьими» наподобие лотерейных выигрышей. Но об этом как-то подзабыли, и нынешнее российское искусство напоминает мне санаторий, где природа отдыхает на потомках. Бывают, конечно, исключения, но они редки, как уссурийские тигры.

Итак, я купил путевку в ДВК, и мы сели за работу. Господи, что за жизнь! Отменное питание, прогулки по цветущим аллеям, а вечерами показывают недублированные западные фильмы или отечественные ленты «с полки» – из спецхрана Госкино. Сюжет сложился быстро. Мы попросту взяли его из жизни, тогда, действительно, во власть стали двигать новых людей, чем-то себя проявивших. Вспомните хотя бы мои два с половиной писатель-

ских секретарства. Впрочем, подобные коллизии и ранее были типичны для «производственного» ответвления нашей литературы. На эту тему писали и снимали многие, но безусловным лидером был драматург Александр Гельман, умевший неприязнь к социализму облечь в остросюжетную борьбу за чистоту идеалов, овеванных вдумчивым советским оптимизмом. Платили, кстати, за это хорошо. Надо заметить, ВКП(б) – КПСС любила советоваться с творческой прослойкой о видах на урожай и путях развития бесклассового общества. А вот тех, кто затеял шоковые реформы в 1990-е, мнение простонародья, включая литераторов, вообще не интересовало. Эпохе первичного капиталистического хапка художественные подтексты с двойными кодами оказались без надобности, и автор «Премии» исчез из искусства, оставив нам в отместку сына – галериста Марата Гельмана.

Но вернемся на Нежинскую улицу, в нашу творческую лабораторию. Сюжет придумался вот какой: молодая бодрая «энтээровка» Лиза Мельникова после яркой речи на каком-то партийном слете замечена и взята на работу в райком партии. Новый первый секретарь Борисов хочет резко обновить и ускорить жизнь вверенного ему участка действительности, он научно грезит и собирает свою команду. Лиза – дама бескомпромиссная, едва освоив азы аппаратной работы, она бросается в бой. Страсти вскипают вокруг конфликта директора вычислительного центра «Алгоритм» опытного Пыжова с неуживчивым новатором и правдолюбом Калюжным. Новые сослуживцы Лизы уговаривают ее не лезть в чужой монастырь, ругают, называют «неуправляемой», но она лезет и срывает прием в партию Луковникова – любимца Пыжова. Нет, никакого намека на нетрадиционное соратничество пожилого руководителя и молодого выдвиженца не было, и быть не могло. Эта тема пришла в искусство позже. Параллельно разворачивался непростой роман героини с театральным режиссером Лехой. Замечено: чем слабее мужчина в творчестве, тем любвеобильнее. В моем поколении лучше всех умели разговор о поэзии с пытливой девушкой перенести из библиотеки в постель графоманы. Лиза уходит от мужа Коли, который может осчастливить лаской и внутрисемейным трудолюбием любую женщину, но только не Мельникову!

Работали мы дружно. Великий Габр мягко осаживал меня, когда я в бытописательском восторге стремился засунуть в сценарий сведения про то, где у секретаря райкома на столе лежат скрепки, а где чистые бланки. Он, как котенка, тыкал меня носом в общечеловеческие ценности: любовь, зависть, ненависть, предательство... Это – главное. А скрепки? Может, их лет через двадцать и вообще не будет. Он учил во всем, даже в производственном конфликте ударника с бракоделом, искать и находить вечные противоречия бытия. Будущий постановщик Леонид Эйдлин следил за сложением сюжета ревниво и придирчиво, как новосел – за строительством дома, где предстоит жить. Услыхав от меня какую-то деталь или аппаратную присказку, вроде: «по белой нитке ходишь!» – он вскакивал, мечтательно закатывал свои левантийские глаза и восклицал:

– Я знаю, кто это может сыграть!

– Кто? – меня охватывали безумные мечты. – Евстигнеев? Бурков? Леонов? Смоктуновский?

– Не-ет! У меня есть в Кимрах знакомый клоун! Гений!

Иногда, если взглянуть со стороны, мы напоминали трехструйный фонтан. Надо ли объяснять, что струи были разной силы и дальноточности. В Габре (а было ему уже хорошо за восемьдесят) обнаружилось очень своеобразное смешение патриархальной мудрости и забавной старческой забывчивости.

– Ребята («ребята» – я и Эйдлин), запомните, Лиза – хорошенькая и очень модная. Собираясь на свидание, она чистит зубным порошком свои тапочки и вертится перед зеркалом!

– Евгений Иосифович! Какие тапочки? Какой порошок! У нас же не послевоенная Москва!

– Ах, да... Разумеется. Но все равно она модница! Пусть что-нибудь чистит... И перед зеркалом крутится...

– И говорит пусть побольше! Она у нас мало говорит! – добавлял будущий постановщик. – Юра, надо придумать ей словечки, чтобы народ подхватил!

И рассказывал, как Ирина Муравьева прямо на съемочной площадке изобрела замечательную фразу, которой не было в сценарии фильма «Москва слезам не верит»: «Не учи меня жить – лучше помоги материально!»

Получив вводные, я удалялся в свой номер и утром приносил несколько страничек, напечатанных на машинке, читал вслух, волнуясь и томясь комплексом подмастерья. Габрилович слушал без выражения, пожевывая синеватыми губами и вздыхая. На лице Леонида мелькали зарницы будущих режиссерских открытий.

– Хорошая сцена в столовой, – кивал мэтр. – А с кем это там Лиза говорит?

– С Бурминовым.

– А кто у нас Бурминов?

– Старый коммунист.

– Очень хорошо!

– Я возьму Вельяминова! – загорался Эйдлин.

– Погодите! Нашей Лизе нужна подруга. Эдакая оторва...

– Зачем? Муравьевой и так нечего играть! – трагически бурчал постановщик, знаменитую жену он называл исключительно по фамилии.

– Юрочка, к завтрашнему дню придумайте нам подругу. А чем руководит этот, как его?..

– Пыжов?

– Да, Пыжов... Надо что-нибудь очень современное.

– Может, электронно-вычислительный центр?

– Изумительно! Пусть кто-то ведет Лизу и рассказывает, как на экскурсии.

– Подруга! Она как раз работает там программистом! – импровизировал я.

– Великолепно!

– Муравьевой нечего играть!

Сочиняемая история поначалу напоминала типичный производственный эпос. Имелся резонер из старых большевиков, говоривший правильные вещи: «Что такое прием в партию? Ювелирное дело! Основа основ, первый вопрос! Из-за него ведь и расплевались большевики с меньшевиками в одна тысяча девятьсот третьем году... А теперь очередь в партию, как за водкой! Я бы посмотрел на эти очереди, когда кулачье с обрезамы шастало или Деникин к Москве шел...» Сегодня эта тоска по бескомпромиссным большевицким временам кажется нелепостью. Но думаю, никто не будет спорить с тем, что у ВКП(б) – КПСС был свой героический период, а лишь потом настала пора удовлетворения растущих потребностей, отсюда мощное наследие советской власти, которое все никак не проедем. Проблема наших современных партий в том, что у них никогда не было никакого героического периода, если не считать поедания бесплатных бутербродов в «живом кольце» у Белого дома. Все нынешние партии начали с удовлетворения растущих потребностей.

Поначалу наша заявка на сценарий так и называлась – «Первый вопрос».

Мы честно отразили тогдашние конфликты, обиды, заблуждения, общую уверенность в том, что жизнь можно улучшить легко и быстро, надо просто захотеть и преодолеть сопротивление тех, кто не хочет, хотя за перемены были, кажется, все, включая цепных псов режима. Василий, литературовед в штатском, курировавший наш союз писателей от организации с всемогущим названием «КГБ», спросил меня как-то: «Ну что у тебя там со «Ста днями до приказа»? «Не разрешают...» – вздохнул я. – «Идиоты!» – процедил он. После 91-го Василий, кажется, работал у хитроныры Гусинского в службе безопасности банка

«Мост», которую возглавил, кстати, бывший начальник Пятого, антидиссидентского, управления КГБ генерал Бобков, а его сын был поэтом и сочинял авангардистскую ерунду. Вам это не напоминает членов Дома Романовых с красными бантами на шинелях в феврале 1917-го? Мне напоминает. Советскую власть могло спасти только чудо Господне, но Вседержитель атеистам не помогает, хотя и не мешает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.